

Уральский государственный университет
им. А. М. Горького
Уральское лингвистическое общество
Проблемная группа «Русский глагол»

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО ГЛАГОЛА

Материалы XI Кузнецовских чтений
7 февраля 2001 г.
г. Екатеринбург

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2001

Материалы печатаются в авторской редакции.

Ответственный за выпуск
доц. А. М. Плотникова

Семантико-синтаксическое пространство русского глагола: Материалы XI Кузнецовских чтений. 7 февраля 2001 г. Екатеринбург. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 72 с.

Сборник включает материалы докладов и сообщений XI Кузнецовских чтений, проведенных на филологическом факультете Уральского государственного университета и посвященных изучению семантико-синтаксического пространства русского глагола в различных аспектах: структурно-семантическом, функциональном, когнитивном, культурологическом.

Для студентов, аспирантов и преподавателей филологических специальностей высших учебных заведений.

Семантическая модель предложения как репрезентанта структуры знаний о мире

Структуры знаний о мире, репрезентируемые языковыми знаками разной степени сложности: словом, предложением, текстом, – активно изучаются в настоящее время с позиций когнитивной лингвистики. При этом исследование языковых явлений в аспекте когнитивной лингвистики предполагает решение комплекса ключевых проблем: категоризация и концептуализация мира, структура концепта и концептосферы, типы концептов как ментальных образований и др. Среди них важное место занимает и проблема способов репрезентации (как на ментальном, так и на вербальном уровнях) структуры знаний о мире.

Базовые категории когнитивистики: концептуализация и категоризация – отображают два механизма единого процесса человеческого познания мира в его тождестве и различиях: дифференциацию, различение явлений мира действительности, и их идентификацию, отождествление сходного. Концептуализация направлена на выделение различных содержательных единиц, отображающих результаты познавательной деятельности человека, – концептов, имеющих ментальную природу и представляющих собой структурированное знание о предметах, явлениях, ситуациях мира. Категоризация, в свою очередь, заключается в обобщении полученных знаний и в их объединении в классы, группы, категории.

Ученые-когнитологи предлагают несколько вариантов структурирования знаний о мире в виде различных концептуальных структур: представление, прототип, пропозициональная структура, фрейм, гештальт и т.п. Наиболее активно используется в конкретных исследованиях, посвященных концептуальному анализу языковых явлений, пропозиция как базовая структура представления знаний, именно она в настоящее время находится в центре когнитивной научной парадигмы.

Типовые пропозиции репрезентируются в речи в виде конкретных высказываний, семантически родственных, с одной стороны, что обусловлено тождеством их ситуационной и пропозициональной модели. С другой стороны, их репрезентация предполагает смысловое многообразие высказываний, которое создается благодаря лексике, заполняющей на поверхностном уровне основные позиции исходной базовой модели. Но при всем многообразии высказываний одной пропозициональной структуры отмечаются некоторые общие тенденции в отображении типовых ситуаций, которые в результате обобщения предстают в виде

трех разновидностей семантической модели как репрезентаты знаний о мире: основная лексическая модель, совмещенная семантическая модель, образная семантическая модель. Анализ их семантики показывает, что можно говорить о некоторых закономерностях, тенденциях концептуализации знаний о процессуально-событийном мире и, соответственно, о различных способах воплощения концепта на лексико-синтаксическом уровне.

Так, существенным представляется выделение регулярных способов лексико-семантической репрезентации исходной базовой модели, при которых в качестве основной репрезентанты знаний о мире выступает семантическая модель предложения и её разновидности: 1) основные лексические варианты модели; 2) совмещенные модели; 3) образные семантические модели.

Каждая денотативная сфера содержит набор собственных вариантов лексико-семантических репрезентаций исходной базовой модели, количество их для каждой типовой ситуации различно, а сочетание (основных, совмещенных и образных) моделей – уникально и тем самым передает знания русского человека о специфике и особенностях той или иной ситуации процессуально-событийного мира.

Обобщение всей совокупности лексико-семантических вариантов базовой модели предложений, передающих одну типовую ситуацию и содержащих глаголы-предикаты одной ЛСГ слов, а также анализ закономерностей словесного замещения основных актантных позиций позволит в перспективе сделать выводы о концептуальном пространстве базовых концептов процессуально-событийного мира. На основе данных Экспериментального синтаксического словаря русских глагольных предложений (в печати) можно выявить и описать когнитивно-пропозициональные структуры предложений, отображающих типовую ситуацию. Как показали предварительные попытки лексикографирования концептосферы процессуально-событийного мира, её концептуальное пространство можно представить в виде поля, ядро которого – абстрактное имя, номинирующее концепт, и соответствующая ему когнитивно-пропозициональная структура (КПС), содержащая минимальные знания о концепте. Приядерная зона – основные варианты лексической репрезентации КПС, семантически выводимые из основного фонда семантического класса слов и предстающие в виде набора основных лексических вариантов базовой исходной модели. Ближайшая периферия – совмещенные с данным концептом динамические признаки, содержащиеся в семантике полипропозитивных глаголов одного семантического класса, репрезентантами которых являются наборы совмещенных семантических моделей предложений одной денотативной сферы. Дальнейшая периферия – ассоциативно-образное представление концепта, которое присутствует в семантике глаголов с переносными значениями и

репрезентантами которых являются образные семантические модели предложений одной денотативной сферы.

*А. В. Волегов, Ма Яньцзинь, Цзин Го
Уральский университет*

Традиционный временной план русских поэтических текстов и переводы китайских ши

Данная работа содержит некоторые наблюдения над особенностями художественных текстов разных национальных культур: китайской и русской.

Объектом нашего внимания стал временной план текста, основанный на особенностях семантики глаголов текста: изображаемые события имеют определенную длительность, повторяемость, соотносённость с моментом речи. Анализ этого явления в переводах ши на русский язык позволяет увидеть различия этого китайского литературного жанра и русской лирики.

За последние годы интерес к китайской культуре в России вырос, однако существующее мнение, что литературные традиции наших стран мало отличаются, не соответствует действительности.

В частности, это касается и проблемы типологии художественных текстов; в русской литературе она строится на семантической основе (на типовом содержании). Так, наша лирика предполагает субъективное изображение в момент восприятия, переживания или размышления героя. Поэтому и временной план такого текста сводится к «мгновению».

В китайской же литературе жанры, в том числе и ши, выделяются по чисто формальным показателям: общее число слогов в тексте, тип чередования в строке музыкальных тонов, тип рифмовки, наличие и тип цезуры в строке и др.

Видимо, из-за этих различий в русской традиции перевода китайских ши можно выделить две тенденции:

а) приближение текста перевода к нормам русской лирики. Требования норм «мгновенности» изображения в русском переводе часто приводит к искажению художественного мира текста: исчезает самооценная усложненность, характерная для всей китайской культуры.

б) максимально возможное сохранение особенностей семантики оригинала.

Семантические особенности глагольных предложений с метафорическими предикатами

Метафорический предикат не только называет действие, состояние, отношение, но и всегда содержит характеристику этого действия, состояния, отношения. Основная функция образной метафоры – не номинация, а «нюансировка смысла» [1]. Следовательно, простое предложение с метафорическим глагольным предикатом (монопредикативная единица) семантически является полипропозитивным, т. е. содержит как минимум две пропозиции: событийную (действие) и логическую (характеризация, приписывание признака) [2].

Эта характеризация, со своей стороны, осуществляется путем ассоциативно-образного соотнесения обозначаемого с другой ситуацией, причем они мыслятся одновременно: «Когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах» [3]. Значит, предложение с метафорическим предикатом содержит еще две пропозиции: событийную (ситуация, с которой сопоставляется обозначаемая) и логическую (установление отношений подобия между двумя ситуациями).

Таким образом, семантика простого предложения с метафорическим глагольным предикатом представляет собой сложную структуру и содержит несколько пропозиций: две событийные и две логические.

Покажем это на примере предложений, отображающих ситуацию движения.

1. С-ПР (событийная пропозиция)-1: субъект (совокупность субъектов) движется.
2. Л-ПР (логическая пропозиция)-1: характеристика движения:
  - большая / малая скорость (*лететь, брызнуть, хлынуть / плыть, ползти, течь*); например: ... короткий блестящий поезд с размаху влетел на станцию. (Ильф, Петров); Древняя...чета в автомобиле совсем новой конструкции осторожно выползла из одного из смежных с каждым коттеджем маленьких гаражей (Набоков);
  - плавность / резкость (*плыть, скользить / плясать, танцевать*); например: Легкая тень летящей скользила по земле впереди... (Булгаков); ... в ливне света играли и плясали, рассыпали искры драгоценные камни (Булгаков);
  - характер субъекта (*лететь, плыть, ползти, порхать* об одном субъекте / *хлынуть, течь, стекаться / рассыпаться, брызнуть* о множестве субъектов, толпе);

- цель субъекта (*лавировать, выскользнуть*).

3. С-ПР-2: субъект (совокупность субъектов) движется.

4. Л-ПР-2: движение субъекта по своим характеристикам подобно движению другого субъекта или другому способу движения.

Сложная семантическая организация глагольных предложений с метафорическими предикатами отражена в их лексикографической интерпретации в Экспериментальном синтаксическом словаре [4], а именно при формулировке типовой семантики образных семантических моделей, например:

ТС: Человек, средство передвижения (не воздушное) двигается в определенном направлении очень медленно и / или с трудом, подобно тому как живое существо передвигается ползком, припадая к поверхности земли.

Пред.: *ползти*.

Илл.: ... где-то вдали, почему-то очень волнуя сердце, шумел поезд. Маргарита вскоре увидела его. Он *полз* медленно, как гусеница, сыпя в воздух искры (Булгаков).

Реальность того, что предложение с метафорическим предикатом содержит несколько пропозиций, может быть доказана.

I. С-ПР-1 и Л-ПР-1 не всегда выражены одним словом (глаголом в переносном значении). В некоторых случаях функцию формального выражения этих пропозиций могут выполнять разные компоненты предложения. Например, в предложениях, отображающих ситуацию нанесения удара, с предикатами *влепить, залепить, надавать* номинация действия (С-ПР-1) осуществляется именем (*влепить, залепить пощечину, надавать подзатыльников* и т. п.), ср.: *пощечина – ‘Удар по щеке ладонью’ (СО), подзатыльник – ‘Разг. Удар, шлепок по затылку’ (СО)*. Глагол же, помимо выражения значения процессуальности, несет количественную характеристику ситуации: сила, интенсивность удара, множественность ударов (Л-ПР-1).

Подобное раздельное выражение событийной и логической пропозиции характерно для предложений, отображающих следующие типовые ситуации:

- нанесение удара;
- восприятие (*бросать взгляд, рыскать глазами* и т. п.);
- интеллектуальная деятельность (*мысли скачут, запасть в память, вынашивать идею, мысль озарила* и т. п.);
- речевая деятельность (*речь льется, слово слетело с языка, проглотить фразу, слухи ходят, закидать вопросами* и т. п.);
- звучание (*звук разорвал, прорезал тишину* и т. п.);
- эмоциональное состояние (*гложет ревность, впасть в отчаяние, вселить надежду* и т. п.);

- физиологическое состояние (*болезнь свалила, сон одолел, боль прошибла* и т. п.).

II. Наличие в семантической структуре предложения с метафорическим предикатом С-ПР-2 и Л-ПР-2 доказывается следующим. На поверхностном уровне, на уровне буквального значения имеет место нарушение семантического согласования компонентов предложения. Так, на самом деле поезд не может ползти или лететь, мысли – скакать, речь – литься, болезнь – валить человека и т. д. Семантическое рассогласование компонентов объясняется именно тем, что они принадлежат к разным исходным структурам [5] (С-ПР-1 и С-ПР-2). Однако подобные предложения воспринимаются как осмысленные, имеют смысл – метафорический, двуплановый, возникающий за счет сопоставления двух разных ситуаций с помощью логических операторов ‘подобно’, ‘как если бы’ [6] (Л-ПР-2).

Примечания.

1. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979 – с. 159.
2. Типология пропозиций по Т. В. Шмелевой, см.: Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». – Красноярск, 1988.
3. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – с. 46.
4. Семантические модели русских глагольных предложений. Экспериментальный синтаксический словарь. Проспект / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург, 1998. – 172 с.
5. См. об этом, в применении к метафорическому высказыванию: Симашко Т. В., Литвинова М. Н. Как образуется метафора. – Пермь, 1993.
6. См. об этом, например, работы К. К. Жолы, В. Н. Теляя.

Н. А. Груздева

Музыкальные глагольные неологизмы русского языка конца XX века

Цель нашей работы – опираясь на словари и наблюдения над текстами СМИ, проследить, как пополняются группы глаголов с КЛС «создавать», «исполнять», «воспринимать музыкальное произведение». При этом мы учитывали три типовых ситуации: создания музыкального произведения, его исполнения и восприятия. Несмотря на то, что все эти ситуации тесно взаимосвязаны, пополняются они по-разному.

Изучая словари, мы пришли к выводу, что глаголов с изучаемой нами КЛС очень мало. Реальные тексты показывают, что их гораздо больше в русском языке.

Так, в «Толковый словарь русских глаголов» (Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 1999г.), включено 16 глаголов ЛСГ с КЛС «исполнять музыкальное произведение». Это такие глаголы, как *аккомпанировать, бисировать, вторить, дебютировать, запевать, играть, исполнять, концерттировать, насвистывать, наяривать, петь, подпевать, проигрывать, разыгрывать, распевать, свистеть*.

Наши наблюдения позволяют пополнить данную ЛСГ следующими лексическими единицами: *читать, начитывать, считывать* («рэп», «куплет»), *выполнить* («в брейк-битовом ритме»), *оттянуться* («за ударными»), *сбацать* («песню»), *отыграть* («джем-сейшн»), *ротироваться* («в эфире»), *интерпретировать* («на гитарах черную музыку»), *презентовать* («сингл на концерте»).

Пополнение данной ЛСГ новыми глаголами происходит в основном за счет внутренних заимствований. В ее состав активно проникают жаргонизмы и профессионализмы из музыкальной среды, которые фиксируют новые способы исполнения музыки, характер ее звучания, типы субъектов-исполнителей, новые музыкальные инструменты. Необходимо отметить, что все вышеназванные компоненты ситуации исполнения музыкальных произведений уточняют узусальные глаголы с данной КЛС, сочетаемость которых расширяется.

ЛСГ с КЛС «создавать музыкальное произведение» пополняется более активно.

В «Толковом словаре русских глаголов» зафиксировано лишь 6 глаголов «создания музыкального произведения»: *делать, создавать, сочинять, досочинять, импровизировать, писать*, которые могут быть отнесены к созданию других художественных произведений. Результаты наших наблюдений позволяют пополнить данную ЛСГ следующими глаголами: *мастеринговать* (от англ. *to master* – «добиваться совершенства»), *отмастеринговать, ремастировать, миксовать* (англ. *to mix* – «смешивать, мешать»), *микшировать, ремиксировать, синхронизировать, аранжировать, переаранжировать, записать* («кавер-версию, сплетая гитарные партии с электронными поп-ритмами»), *замутить* («песню»), *сводить, свести, пересводить* (в зн. «миксировать» «музыкальный материал»), *сделать* («саунд»), *наложить* («голос на фонограмму»), *набить* («рейбер»), *смешивать* (в зн. «миксировать» хард-кор, панк, психоделику), *тиражировать* («музыку»), *отполировать* («сэмпл»), *диджействовать* («за вертушками, миксуя звуки»).

Это семантические или словообразовательные неологизмы. Последние созданы на базе заимствованных единиц.

ЛСГ глаголов «восприятия музыкального произведения» пополняется за счет жаргонизмов и сленговых образований. Указанный выше

словарь фиксирует только 6 глаголов с КЛС «воспринимать звуки, музыку»: *слушать, слышать, вслушиваться, воспринимать, ловить, улавливать*. Однако из молодёжной среды, связанной с андеграундом, в эту группу в последние годы вошли следующие глаголы: *фанатеть* («от джаза»), *обламываться* («от джема»), *качаться* («от драйва»), *кайфовать* («от музыки»), *обрушивать* («на себя грохот тяжёлых стилей»), *заводиться* («от музыки»), *оторваться* («на все 100% на дискотеке»).

Три рассмотренные выше ЛСГ глаголов «исполнения», «создания» и «восприятия музыкального произведения» активно пополняются причастиями, не все из которых имеют глаголы-корреляты: *раздетый* («звук»), *смикшированный* («голос певца»), *сфазированный* («сэмпл»), *синтезированный* («сэмпл»), *убыстренный* («вокал»), *ломанный, рванный* («ритм»), *утяжеленный* («рок-н-ролл»), *отполированный* («трэк»), *качающий* («ритм»), *стилизованная* («гитара»), *спродюсированный* («трэк»).

Таким образом, три ситуации, связанные с исполнением, созданием и восприятием музыкального произведения, «неогенны» в разной степени. ЛСГ глаголов «исполнение» пополняется наименее активно. Все особенности этой ситуации номинируются в основном за счет расширения сочетаемости узуальных глаголов. Например, глагол «петь» сочетается с такими обстоятельствами, как «под фанеру», «без фанеры», «живьем», «вживую», «unplugged», «без наворотов», «стебно», «под караоке», «под джазовый бит». Глагол «играть» также расширяет свою сочетаемость, например: *играть «техно», «транс», «прогрессив-транс», «соул», «хаус-музыку», «тяжелый металл»*.

ЛСГ глаголов «создания музыкального произведения» пополняется наиболее активно, в основном, словообразовательными и заимствованными неологизмами.

Полноление ЛСГ «восприятие музыкального произведения» происходит главным образом за счет внутренних заимствований: жаргонизмов, сленговых образований и разговорной лексики.

В. В. Гузикова, Ю. В. Казарин
Уральский университет

Фразеологизм как средство формирования национально-художественной картины мира

1. Фразеологизмы как единицы лексической системы языка имеют свои как семантические, так и функциональные особенности.

Высокая степень цельнооформленности плана выражения и идиоматичности содержания фразеологизма претерпевает изменения в

процессе функционирования этих сложных единиц в речи, а особенно в художественном тексте.

Поэтому как предмет лингвистического исследования функционирование фразеологизмов в художественной литературе должно изучаться многоаспектно.

Фразеологизмы в художественной литературе - это особый предмет, находящийся в процессе его описания на стыке различных научных дисциплин, таких как лексикология (фразеология), лингвистика текста и культурология, так как фразеологическая единица аккумулирует в себе не только семантику, но и историко-культурные знания того или иного народа.

2. В семантике фразеологизма наиболее актуально в процессе функционирования его в художественной литературе оказывается фоновый (историко-культурный) макрокомпонент.

Национальная специфика фразеологии очевидна, поэтому представляется актуальным анализ фразеологии в художественной литературе, созданной на английском языке, а также сопоставительное исследование английских фразеологизмов при переводе их на русский язык. Сравнивая семантическую и культурную специфику английских и русских фразеологизмов, мы сможем выявить национальные особенности этих единиц не только в сфере семиологии, но и в сфере двух национальных языковых картин мира.

Нами исследованы фразеологические единицы (всего 65 контекстов), а также их аналогов в русских переводах таких романов и рассказов У. С. Моэма, как:

1. Catalina – Каталина.
2. Mrs. Craddock – Миссис Крэдок.
3. Of Human Bondage – Бремя страстей человеческих.
4. The Razor's Edge – Острие бритвы.
5. The Moon and the Sixpence – Луна и грош.
6. The Outstation – На окраине империи.
7. A Casual Affair – Пустячный случай.
8. The Painted Vail – Узорный покров.
9. Liza of Lambeth – Лиза из Ламбета.
10. Gigolo and Gigolette – Жигало и Жиголлета.
11. Cakes and Ale – Пироги и пиво.
12. The Summing Up – Подводя итоги.
13. Honolulu – Гонолулу.
14. Then and Now – Тогда и теперь.
15. A Man with a Conscience – Человек, у которого была совесть.
16. Mackintosh – Макинтош.
17. Rain – Дождь.
18. Up at the Villa – Вилла на холме.

19. Lady Frederick – Леди Фредерик.
  20. The Making of a Saint – Становление Святого.
  21. Don Fernando – Дон Фернандо.
  22. Christmas Holiday – Рождественские каникулы.
  23. In a Strange Land – В чужом краю.
  24. The Round Dozen – Ровно дюжина.
  25. The Creative Impulse – Источник вдохновения.
  26. The Force of Circumstance – Сила обстоятельств.
  27. Jane – Джейн.
  28. The Lion's Skin – В львиной шкуре.
  29. Salvatore – Сальваторе.
  30. The Fall of Edward Barnard – Падение Эдварда Барнарда.
  31. The Man with the Scar – Человек со шрамом.
  32. The Dream – Сон.
  33. The Taipan – Тайпан.
  34. A Friend in Need – Друзья познаются в беде.
- и другие.

3. Нами выявлены следующие типы фразеологизмов в романах и рассказах У. С. Моэма (с опорой на типологию В. Н. Телия):

I. Ритуальные формы народной культуры. Например, фразеологизмы:

1. Good riddance! – скатертью дорога!
  - “I wouldn't be surprised,” she grinned. “Good riddance to bad rubbish.” (W. S. Maugham, “The Razor's Edge”, ch. 6)
  - «Очень может быть, – она ухмыльнулась. – Что ж, туда ему и дорога.» (У. С. Моэм, «Острие бритвы», гл. 6)
2. Hang it all! – Черт подери!, тьфу!, пропасть! (восклицание, выражающее досаду, недовольство и т. п.)
  - “Hang it all, I only asked your advice because I saw it pleased you.” (W. S. Maugham, “Of Human Bondage”, ch. 46)
  - Да, черт возьми, я же обращался к вам только потому, что это явно доставляло вам удовольствие! (У. С. Моэм, «Бремя страстей человеческих», гл. 46)

II. Перемиологический фонд, т. е. поговорки и различного рода словесные формулы и клише:

1. God's mill grinds slow but sure. (также: The mills of God grind slowly.) посл. ≅ От возмездия, расплаты не уйдешь.
  - “When I had narrated his lamentable death I ceased. For a minute or two we were all silent. Then Robert Strickland struck a match and lit a cigarette. The mills of God grind slowly, but they grind exceeding small”, he said somewhat

impressively. (W. S. Maugham, "The Moon and Sixpence")

- Кончил я рассказом о страшной смерти Чарльза Стрикленда. Минуту-другую в комнате царило молчание. Затем Роберт Стрикленд чиркнул спичкой и закурил. «Жернова Господни мелют хоть и медленно, но верно», - внушительно сказал он. (У. С. Моэм, «Луна и грош»)

2. The Proof of the pudding is in the eating. посл. ≡ «Чтобы судить о пудинге, надо его отведать», все проверяется на практике, обо всем судят по результатам.

- "I think I can tell a good story and I can create characters that ring true. And after all the proof of the pudding is in the eating. The Eye of the Needle sold thirty-five thousand in England and eighty thousand in America..." (W. S. Maugham, "Cakes and Ale", ch. 1)
- «Я полагаю, что могу рассказать интересную историю и создать правдивые характеры. Но судят-то по результатам, а «Игольное ушко» разошлось в Англии в количестве тридцати пяти тысяч экземпляров, и в Америке было продано восемьдесят тысяч. » (У. С. Моэм, «Пи-роги и пиво», гл. I)

III. Образы-эталоны, запечатленные в устойчивых сравнениях:

1. (As) strong as a bull (horse) или (ox) – Здоров, как бык.
  - Taylor. Don't touch the trunk, it's too heavy for you.
  - Norah. I'm as strong as a horse. (W. S. Maugham, "The Land of Promise" act III)
  - Тейлор. Сундук не трогай, он слишком тяжел для тебя.
  - Нора. У меня силы хватит.(У. С. Моэм, «Земля обещаний», Акт III)
2. (As) dead as a door-nail; также: AS dead as a herring; as a или the dodo, as Julius Caesar, as mutton, редко as Queen Anne. – превратившийся в мертвую букву, утративший силу; вышедший из употребления отживший свой век.
  - Mr. Crable was as dead as mutton, but Mr. Crable continued to write moral stories in rhymed couplets. (W. S. Maugham, "The Moon and Sixpence", ch. II).
  - Мистер Крэбб безнадежно отстал от жизни, но мистер Крэбб все же продолжал писать нравоучительные истории рифмованными двустишиями (У. С. Моэм, "Луна и грош", гл. 2)

IV. Слова-символы или слова и словосочетания, получающие символическое прочтение:

1. Have one's heart in one's boots (или mouth, one's heart failed him, her, etc., one's heart leaped into one's mouth или throat, one's heart sank (into one's boots или shoes), one's heart stood still) струсить, испугаться, сердце упало, душа в пятки ушла.
  - The Assistant, with his heart in his mouth, would suggest that he thought he ought to have another two shillings a week. (W. S. Maugham, "Of Human Bondage", ch. CVII)
  - Дрожа как осиновый лист, приказчик говорил, что, по его мнению, ему следовало бы прибавить два шиллинга в неделю. (У. С. Моэм, «Бремя страстей человеческих», гл. 107)
2. (all) at sea – в полном недоумении, в растерянности, в тупике (обыкн. употребляется с гл. to be, сравнить: как в темном лесу)
  - Beneath his painful shyness something was growing up within him, and obscurely he realized his personality. But at times it gave him odd surprises, he did things, he knew not why, and afterwards when he thought of them found himself all at sea. (W. S. Maugham, "Of Human Bondage", ch. 13)
  - Болезненная застенчивость делала его замкнутым, но в душе у него что-то созревало. И он смутно начинал отдавать себе отчет в том, что он – личность. По временам эта личность сама его удивляла: он совершал безотчетные поступки и, раздумывая о них потом, так и не мог их себе объяснить. (У. С. Моэм, «Бремя страстей человеческих», гл. 13)

V. Фразеологизмы, вышедшие из религиозного дискурса:

1. One's cup is filled (full, full to the brim, overflowing или running over) – его (ее и т. д.) чаша (терпения, страдания) переполнилась. [One's cup is running over. *этим* библ. Psalms XXIII, 5]
  - The bishop sighed deeply. It seemed to him that his cup of bitterness was filled to the brim. (W. S. Maugham, "Catalina", ch. 16)
  - Епископ глубоко вздохнул. Ему казалось, что он испил чашу горести до дна. (У. С. Моэм, "Каталина", гл 16)
2. Lord of creation. *шутл.* - «венец творения», мужчина (в противоположность женщине) [*этим* библ. Genesis I, 27-28)
  - Looking at Edward Craddock, she realised that Man was indeed the lord of creation. (W. S. Maugham, "Mrs. Craddock", ch. VI)
  - Глядя на Эдуарда Крэддока, Берта поняла, что мужчина действительно венец творения. (У. С. Моэм, "Миссис Крэддок", гл. VI)

VI. Фразеологизмы, выражающие интеллектуальное достояние нации и человечества в целом:

1. Hard and fast. adj, phr. твердый, жесткий, непреклонный (о правилах и т. п.), определенный, непоколебимый, нерушимый [*букв. мор. на мели (о судне)*]
  - Brunetiere had no tolerance; he measured writers by hard and fast rules and was incapable of seeing merit in those who had aims with which he did not sympathize. (W. S. Maughan, "The Summing Up", ch. 60)
  - Брюнетьеру не хватало терпимости. Он подходил к автору с жесткой меркой и не способен был увидеть достоинства тех писателей, чьим идеям не сочувствовал. (У. С. Моэм. «Подводя итоги», гл. 60)
2. For keeps разг. Окончательно, бесповоротно, навсегда, на всю жизнь [*этим. спорт. (крикет)*]
  - It's marriage lines for me, my dear, or nothing. I want you for keeps. (W. S. Maughan, "Up at the Villa", ch. IX)
  - Брачное свидетельство, моя дорогая или ничего. Вы мне нужны на всю жизнь. (У. С. Моэм «Вилла на холме», гл. IX)

VII. Страноведчески маркированные фразеологизмы:

1. Hobson's choice – вынужденный выбор, отсутствие выбора. [по имени некоего Гобсона, содержателя платной конюшни в Кембридже в XVI веке, который обязывал своих клиентов брать только ближайшую к выходу лошадь]
  - Do you want me to go?
  - It's Hobson's choice, isn't it?
  - Is it?
  - It's only fair to you to tell you that if your husband brought an action for divorce and won it I should not be in a position to marry you. (W. S. Maughan, "The Painted Veil", ch. XXVI)
  - Значит, ты хочешь, чтобы я уехала?
  - Выбора-то у нас нет.
  - Разве?
  - Скажу честно: если бы твой муж подал в суд на развод и выиграл дело, я все равно не мог бы на тебе жениться. (У. С. Моэм. «Узорный покров», гл. XXVI)
2. Red tape – волокита, бюрократизм, канцелярский формализм [красной тесьмой прошивают документы в английских государственных учреждениях]
  - He played tennis and polo and golf. He kept racing ponies. He was always ready to do anyone a good turn. He never

let red tape interfere with him. He put on no airs. (W. S. Maugham, "The Painted Veil", ch. XIV)

- Он играет в теннис, в поло, в гольф. Держит скаковых лошадей. Всегда готов всем помочь. Презирирует волоки-ту. Нисколько не важничает. (У. С. Моэм. «Узорный покров», гл. 14)

VIII. Метафорические фразеологизмы.

1. Spill the beans. – разг. выдать секрет, проболтаться, разболтать, проговориться. [первонач. амер.]

- I told you it was stupid of you to spill the beans. (W. S. Maugham, "Up at the Villa", ch. IX)

- Говорил же я вам: глупо с вашей стороны все ему выбалтывать. (У. С. Моэм. «Вилла на холме», гл. IX)

2. Go west. – 1. умереть, скончаться; ≡ отправиться на тот свет, отправиться к праотцам

- 2. рухнуть, провалиться (*напр.*, о планах); исчезнуть, пропасть; ≡ поминай как звали.

- Our connection in the hotels has gone west, and the business is finished anyway. (W. S. Maugham, "Gigolo and Gigolette".)

- Связи в отелях мы растеряли, да и вообще со старым покончено. (У. С. Моэм. «Жигало и Жиголлета»)

4. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что наиболее интересным для анализа является национально-культурная часть семантики фразеологизма, функционирующего одновременно в двух разноязычных текстах. В перспективе предполагается анализ русских и английских фразеологизмов как средства формирования двух национальных художественных картин мира.

Н. А. Дьячкова
Уральский университет

Об одном способе выражения отношений потенциальной обусловленности в простом предложении

Способы выражения семантики обусловленности в русском языке разнообразны (ССП, СПП, простое предложение, а именно: обстоятельственные детерминанты, обстоятельства, обособленные члены). Все эти способы выражения семантики обусловленности, которую мы понимаем как соотнесенность двух ситуаций, из которых одна поставлена в зависимость от другой, довольно подробно описаны, однако есть еще один способ выражения отношений обусловленности (в частности, потенциальной обусловленности) в простом предложении (далее

ПП); который, как нам представляется, не получил описания. Речь идет о конструкциях, имеющих семантическую модель *Собообщ. (AN 1) – Р кач. / хар-ии* (Глупый человек всегда хвастлив). Как известно, частными значениями обусловленности являются отношения причины, условия, уступки, следствия и цели, а частным значением условных отношений – отношения потенциального условия.

В названных конструкциях репрезентируется устанавливаемая говорящим закономерность наличия у объекта наблюдения и оценки свойства Р1 в силу наличия у него свойства Р. Эти конструкции мы рассматриваем как результат компрессии СПП с союзом «если...то», которые в РГ-80 отнесены к числу СПП расчлененной структуры, классу СП обусловленности, к группе потенциально-условных предложений с обобщенным значением, которые выражают «регулярно воспроизводимую связь ситуаций в неопределенном временном плане. Например: Если надвигается продолжительное ненастье, все рыбы забираются в самые укромные местечки (Бианки)» (РГ-80: 570).

Это *иконический* способ выражения отношений потенциального условия, при котором «каждый элемент содержания получает специальное обозначение» (Мурзин 1982: 27). Нас интересует нерасчлененный, т. е. *идеосинкретический* (термины Л. Н. Мурзина) способ выражения названного значения, который представлен в конструкциях с присубъектным определителем (далее ПО). Выражение семантики потенциальной обусловленности в таком ПП становится возможным благодаря ПО, который в номинализованном звене выполняет функцию включенного предиката (Р1), мотивирующего основной предикат (Р).

Для передачи отношений потенциальной обусловленности в сфере ПП существует еще два вида конструкций, которые являются производными предложений типа *Глупый человек всегда хвастлив*. Это конструкции с субстантивированным прилагательным в роли объекта характеристики и оценки (дескриптива): *Глупый всегда хвастлив* и конструкции с отагджетивным существительным в той же роли: *Глупец всегда хвастлив*. Это варианты средства для передачи одного содержания. Однако это содержание передано не только разными средствами, но и не вполне одно и то же. Задача состоит в том, чтобы установить, в чем специфика каждого варианта при выражении отношений потенциальной обусловленности и какое место в этой системе синтаксических дериватов занимают конструкции с присубъектным определителем.

Конструкции типа *Глупый человек всегда хвастлив* соотносятся не со всеми конструкциями с «если ...то» названного значения, а только с так называемыми моносубъектными конструкциями типа «Художник умирает, если повторяется». В таких потенциально-условных СПП соотносятся не две ситуации (как сказано о них в РГ-80), а (как и в предло-

жениях с присубъектным определителем) два свойства/признака одного субъекта. «При высокой степени обобщения – это зависит от контекста – предложение приобретает характер умозаключения и такие условные СПП сближаются с СПП присубстантивно-определятельными: Художник умирает, если повторяется → Художник, который повторяется, умирает» (РГ-80: 571). И наконец при особых условиях дискурса придаточная номинализуется и предложение приобретает вид «Повторяющийся художник умирает; Повторяющийся художник мертв» и т. п.

Обладая в целом сходной семантикой СПП с «если-то» названного значения и ПП с присубъектным определителем отличаются как в семантическом, так и в функциональном плане.

В СПП с «если...то» внимание акцентируется на отношениях условия. Такая акцентуация становится возможной, благодаря семантическому союзу дифференцирующего типа ЕСЛИ / ЕСЛИ...ТО, который является квалификатором условных отношений.

В ПП с ПО передаются недифференцированные отношения обусловленности. Ср. возможность неоднозначной развертки таких конструкций: Если человек глуп, то он всегда хвастлив; Человек, как правило, и глуп и хвастлив одновременно; Человек хвастлив, потому что глуп. Это отношения каузальности, обусловленности в широком смысле: положение дел, репрезентированное номинализованным звеном, является достаточным основанием для существования положения дел, репрезентированного предикатом. В ПП с ПО внимание слушателя акцентируется на истинности установленной наблюдателем закономерной обусловленности свойств Р1 и Р. ПП с ПО характеризуются лаконичностью и емкостью содержания одновременно, это асимметричные знаки, с когнитивной точки зрения они являются сложными, т. к. требуют додумывания и развертки. Поэтому именно ПП с ПО избирает языковое сознание для воплощения сентенции, суждения морально-этического характера с ярко выраженной оценочностью. ПП с ПО – это в подавляющем большинстве пословицы, поговорки, афоризмы, изречения из Библии, т. е. пререми.

У СПП с «если.. то» и ПП с ПО разные текстообразующие функции, хотя и та и другая конструкции употребляются в текстах сентенционного типа. СПП с «если...то» употребляется в том случае, когда автору важно подчеркнуть семантику потенциального условия между Р1 и Р, причем установить эту зависимость «на глазах у читателя». Например:

«В последнее время общество бомжей заметно помолодело. Можно объяснить это растущей безработицей или задержками зарплат, но есть и другая сторона медали: *если человек лишен таланта, не любит трудиться, не имеет цели, плывет по течению, то течение*

рано или поздно утянет его на дно. «Бомжеют» стремительно, не тратя времени на акклиматизацию». («Областная газета» 21. 11. 1996).

Конструкция с «если...то» может быть свернута в конструкцию с номинализованной придаточной частью (можно усмотреть здесь и 4 придаточных части с незамещенной позицией подлежащего): *Неталантливый, ленивый, нецелеустремленный, безвольный человек обречен быть утянутым на дно.* Смысловое тождество СПП и ПП не вызывает сомнения – каждая предикативная часть может быть заменена прилагательным. Ср. человек лишен таланта = неталантливый; человек не любит трудиться = ленивый; человек не имеет цели = нецелеустремленный; человек плывет по течению = безвольный. Отношения обусловленности представлены и в СПП, и в ПП. Однако в условиях данного дискурса конструкция с «если...то» более уместна – контекст воспроизводит ход рассуждений автора, который, как уже было сказано, «на глазах у читателя» устанавливает причинно-следственную связь между свойством субъекта Р1 и свойством Р. В данном ССЦ 4 логических компонента: 1) тезис (В последнее время общество бомжей заметно помолодело); 2) переход от тезиса к его доказательству (Можно объяснить это растущей безработицей, но есть и другая сторона медали (читай: а можно объяснить это так); 3) доказательство тезиса (Если...то); 4) заключение («Бомжеют» стремительно). Если при такой композиции ССЦ на место (3) поставить конструкцию с присубъектным определителем, то логика текста пострадает: прогноз отношений конкретизации, задаваемый компонентом (2), не получит подкрепления. Ср.: * *Можно объяснить это растущей безработицей, а можно объяснить это так: неталантливый, ленивый, нецелеустремленный, безвольный человек обречен быть утянутым на дно.*

Приведем еще один пример с аналогичной текстообразующей функцией СПП с «если...то». В ССЦ речь идет о том, как набирается ума человек в процессе общения с другими людьми:

«Если человек кичлив и не переспросит у мудреца непонятное для себя место, или, если он беспечен и, переступив порог, тут же забудет услышанное, то какой толк от того, что он слушал мудрые слова?» Он оказался невнимательным и глупым человеком, не способным оценить ум. О таких, наверное, и сказал мудрец: «Чем поучать людей, не понимающих слова, лучше пасти свиней, которые признают тебя».

Если автор претендует на истинность, абсолютность им утверждаемого, если его мысль «выкристаллизовалась», он использует ПП с ПО, располагая его в ССЦ, как правило, в постпозиции. Например:

«Ежели отцы и матери, тещи и тесты, свекрови и свекры, составляющие, в основном, комитеты по спасению молодежи, горят желани-

ем во что бы то ни стало идти войной на секты, то пусть для начала проведут через своих единомышленников в Государственной Думе закон о запрещении Евангелия в России. А заодно и Корана, ибо там сказано: «О вы, которые уверовали! Поистине среди ваших жен и ваших детей есть враги вам, берегитесь же их!... Ваше имущество и дети – только искушение, и у Аллаха велика награда». И Ветхого завета, ибо вслед за пророком Михеем Христос повторил, что враги человеку – домашние его. И буддистских текстов, внушающих обдумывающему жителю юноше стремление не к шестисотому «Мерседесу» и коттеджу в четыре этажа с парой бультерьеров в придачу, а к бодхе и нирване, просветлению и успокоению, что, согласитесь, нашим людям вряд ли придется по душе.

Уверовавший человек зачастую становится тем самым уродом, без которого, как сказано, не обходится семья» (А. Нежный. Погружение во мрак // Звезда 2000, № 1). Последнее предложение могло иметь вид: *Если человек уверовал, то он зачастую становится тем самым уродом, без которого, как сказано, не обходится семья.* В этом случае его связь с предложением, открывающим микротему «вера и ближние», с точки зрения структурно-семантической организации текста была бы даже более явно выраженной: во-первых, корреляция «глагол – глагол» с формальной точки зрения является более точной, чем корреляция «глагол-причастие» (*уверовали – уверовал*); во-вторых, квалификатор условных отношений *если...то* коррелировал бы с союзом *ежели... то*, уже представленным в тексте, а также поддерживал бы семантику потенциальности, заявленную в тексте, помимо названного союза, формой глагола ирреальной модальности *пусть проведут*, которая представлена в ССЦ четырежды, один раз эксплицитно и три раза имплицитно. Однако в таком варианте нет той афористичности, которая необходима автору для воплощения его категоричного суждения и которая в силу своей лаконичности позволяет подвести итог рассуждению и завершить данное ССЦ. Приведем еще один пример, в котором ПП с ПО выполняет ту же текстообразующую функцию – подводит итог размышлениям, завершает ССЦ:

«Резвые скаковые лошади есть не только у казахов. И ловчая птица, и гончий пес могут быть достоянием любого: сегодня они у одного, завтра у другого; и сильные джигиты рождаются в разных аулах. Да и не постоянны победы того или иного борца в турнирах, и не всегда в хорошей форме соколы и гончие. Чего же, казалось бы, тут стыдиться? А я встречал людей, готовых скорее провалиться сквозь землю, чем видеть на состязаниях поражение родного аула.

Отсюда я заключаю, что *невежественный народ радуется тому, чему не стоит радоваться*» (Абай. Слова-назидания).

Ср.: Отсюда я заключаю, что *если народ невежествен, то он радуется тому, чему не стоит радоваться*. В смысловом отношении высказывания идентичны, однако конструкция с *если...то* слишком явно представляет отношения потенциального условия, в которых в данном контексте нет нужды. Глагол «заключаю» прогнозирует умозаключение. Конструкция с «*если...то*» более уместна в инициальной позиции. Обратимся к лингвистическому эксперименту. Ср.: *Если народ невежествен, то он радуется тому, чему не следует радоваться*. Я встречал людей, готовых скорее провалиться сквозь землю, чем видеть на состязаниях поражение родного аула. А между тем резвые скаковые лошади есть не только у казахов. И ловчая птица, и гончий пес могут быть достоянием любого: сегодня они у одного, завтра у другого; и сильные джигиты рождаются в разных аулах. Да и не постоянны победы того или иного борца в турнирах, и не всегда в хорошей форме соколы и гончие. Чего же тут стыдиться?

Укажем также на некоторые обстоятельства, характеризующие конструкции типа *Глупый всегда хвастлив* и *Глупец всегда хвастлив*. Первые употребляются в текстах, в которых говорится о пороках и добродетелях, так что само слово «человек» становится неактуальным. Это изречения из Библии и книг афоризмов. Вторые употребляются там же, однако у них несколько иная по сравнению с конструкциями типа *Глупый всегда хвастлив* текстообразующая функция. Яркая стилистическая окрашенность, не полное совпадение с семантикой мотивирующего прилагательного, а также препятствия со стороны словообразовательной системы языка делают невозможным широкое употребление ПП типа *Глупец всегда хвастлив* «на равных» с ПП *Глупый человек всегда хвастлив* и *Глупый хвастлив*.

Конструкции типа *Глупый человек всегда хвастлив* в этой системе вариативных средств для передачи одного содержания являются универсальными: с одной стороны, в них есть семантика обусловленности, сближающая их с СПП с «*если...то*», с другой, в них есть лаконизм и афористичность, характерные для ПП с субстантивированным прилагательным и ПП с отагдъективным существительным, но нет тех ограничений содержательного, словообразовательного и стилистического характера, которые сужают круг бытования двух последних. Поэтому ПП с ПО, во-первых, возможны во всех текстах: эссе, публицистике, эпических жанрах, афоризмах, Библии, но главная сфера их бытования – пословицы и поговорки, т. е. дискурсы житейской мудрости. Во-вторых, ПП с ПО не зависят от семантики подлежащего – в них, как и в СПП с «*если...то*», в отличие от ПП с субстантивированным прилага-

тельным и ПП с отагдъективным существительным, позицию субъекта может занимать не только имя «человек».

Е. С. Кубрякова считает, что «существование [в языке] альтернативных средств [для представления одного содержания] помогает человеку сконцентрировать свое внимание [как и внимание слушающего] на разных деталях или обстоятельствах описываемого и обозначаемого» (Кубрякова 1998: 47). Существующие в сфере ПП и представленные в докладе способы выражения синтаксического значения потенциальной обусловленности подтверждает это положение.

О.П. Исаева

Московский государственный университет

Эволюция интегральных дифференциальных значений у слов, образующих одну лексико-семантическую группу в русском языке с древнейших времен и до наших дней

Изучению различных лексико-семантических групп (ЛСГ) в древнерусском и современном русском языках посвящено большое количество работ. В то же время некоторые ЛСГ остаются все еще вне поля зрения современных исследователей.

Доклад посвящен анализу изменений интегральных дифференциальных значений у слов, образующих еще мало изученную ЛСГ (вслед за Э.В. Кузнецовой в ЛСГ мы будем включать слова, принадлежащие одной части речи и имеющие в своем значении хотя бы один общий, интегральный семный компонент, архисему) со значением «*помещение в верхней части жилого строения*» в русском языке с древнейших времен и до наших дней. Данную ЛСГ образовывали в древнерусском языке следующие лексические единицы: *горьница, верхъ, вышка, восходница (всходница), гридница, гридня, комната, повалуша (повалыша), светлица, храмъ*, а также производные от них слова (всего 26 единиц). Эта лексическая микросистема претерпела со временем развития языка существенные изменения. Нас будут интересовать изменения ЛСГ как на содержательном уровне, так и в плане выражения в русском языке в течение огромного временного периода – с XI в. по настоящее время. Работа велась на основе материалов словарей русского языка XI–XIV в., XI–XVII в., XVIII в., толковых словарей современного русского языка и диалектных словарей современного русского языка.

Изучение эволюции ЛСГ, а также интегральных дифференциальных значений (т.е. конкретизирующих дифференциальных сем, вхо-

дящих в индивидуальное значение каждой лексической единицы, повторяющихся в ряде лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слов и представляющих собой общие, интегральные семы для определенных лексических единиц, образующих одну ЛСГ) у слов, организующих эту микросистему проводилось путем последовательного анализа данной группы как на синхронных срезах отдельных периодов, так и в диахронии. С этой целью условно выделено три отдельно взятых хронологических периода развития русского языка: 1-й период – древнерусский и старорусский период (с XI-XVII вв.); 2-й период – период нового времени или петровской эпохи (90-е гг. XVII – 10-е гг. XIX вв.); 3-й период – современный русский язык (с 30-х гг. XIX по XX в.). Для более четкого и ясного осмысления процессов, происходящих в современном русском языке, были проанализированы следующие две его разновидности: 1) диалекты и говоры; 2) литературный и повседневный разговорный язык.

С помощью сравнительно-исторического метода анализа лексико-семантических групп, а также семных компонентов, принадлежащих лексическим единицам, образующим эти группы на каждом определенном синхронном срезе развития языка, были выявлены и определены изменения в интегральных дифференциальных значениях ЛСВ слов, отразивших различия на семантическом уровне, существовавшие в языковом сознании человека древнерусского и старорусского периода, нового времени и современной эпохи.

Так, например, данные анализа лексики 1 периода (XI-XVII вв.), указывающие на наличие большого количества абсолютных синонимов **верхъ, гридница, гридня, комната, светлицатлица, повалуша (повалыша)** с семным компонентом, имеющим интегральное дифференциальное значение *«жилое помещение, предназначенное для царских особ, в верхней части строения»*, а также синонимического ряда восходница (всходница), **вышка, вышница, горьница, светлицатлица, повалуша (повалыша), храмъ** с интегральным дифференциальным семным компонентом *«повседневное обычное жилое помещение в верхней части строения»*, свидетельствуют о том, что в языковом сознании человека этого периода времени существовало понятие *«жилого помещения в верхней части строения для лиц, занимающих определенное социальное положение в обществе»*.

В последующий исторический период развития языка (в XVIII в.) наблюдается незначительная утрата синонимов у слов с семным компонентом, имеющим интегральное дифференциальное значение *«повседневное обычное жилое помещение в верхней части строения»* (слова **вышница** и **храм** с этим компонентом уже не употребляются). В то же время нужно отметить, что данный ряд пополнился еще одним ЛСВ слова **верх**.

На современном этапе развития языка в литературном, повседневном разговорном языке интегральный дифференциальный семный компонент «*жилое помещение, предназначенное для царских особ, в верхней части строения*» уже утрачен. В то же время данный семный компонент зафиксирован у слов *верхи* (только мн.ч.), *вышка*, *грядница*, *грядня* (*грыдня*) в современных диалектах и говорах. Эти факты позволяют сделать вывод о том, что в языковом сознании современного русского человека произошли изменения, обусловленные полной или частичной утратой с течением времени понятий, вызванной изменениями в определенных исторических реалиях.

Ю.В. Казарин
Уральского университета

Языковая поэтическая способность: постановка проблемы

1. Поэт как текстотворец должен обладать комплексной, глубоко и широко развитой и организованной языковой способностью. Ю. Н. Караулов выделяет также компоненты языковой способности, как фонетический, морфологический, синтаксический и лексический.

Наблюдение над лингвистическими особенностями текстов, созданных различными поэтами, жившими (и живущими) в разные времена (от 17 до 21 вв.), позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся характеристики поэтических текстов с точки зрения не только наличия в них тех или иных лингвистических доминант / констант, но и с точки зрения особенностей языковой способности того или иного автора-поэта. Такое исследование языковой способности основывалось на комплексном / полипарадигмальном исследовании поэтологического, эстетического, духовного, дискурсного и языкового пространств текстов, входящих в различные пространственно (география)-временные (эпоха, век и т.п.) и художественно-эстетические парадигмы.

Анализ производился на материале стихотворений, созданных такими поэтами, как С. Полоцкий (17 в.), А. Кантемир, В. Тредияковский, М. Ломоносов, А. Сумороков, Г. Державин (18 в.), В. Жуковский, А. Пушкин, Е. Баратынский, Ф. Тютчев, А. Фет и др. (19 в.), А. Блок, О. Мандельштам, А. Ахматова, Б. Пастернак, М. Цветаева, Н. Заболоцкий, А. Тарковский, И. Бродский и др. (20 в.), А. Еременко, И. Жданов, В. Гандлевский и др. (21 в.).

2. Исследование позволяет сделать вывод о том, что языковая способность обобщенной личности поэта (поэт 17-го века, 18-го века и т.д.) включает в себя следующие (в качестве конструктивно необходимых) компоненты:

- просодический;
- фонетический;
- морфологический (derivационный);
- лексический;
- синтаксический и др. (среди которых также выделяются дискурсный [графический, ритмический, диалогический и т.п.]).

Комплексный анализ парадигм поэтических текстов показал, что русская поэзия 17-18 вв. – это поэзия преимущественно просодического характера (доминирование просодического компонента), т.е. поэзия, «осваивающая» силлоботоническую систему стихосложения и «вмещающая» единицы всех уровней языка в строгие дискурсные рамки поэтического текста как функционально-эстетической системы.

Поэзия 19 века – это поэзия музыкально-лексическая, или поэзия, освоившая способы употребления лексем и синтаксис в новом дискурсном контексте, характеризующемся также высокой степенью гармонии просодического компонента стихотворения и его лексико-смыслового наполнения.

Поэзия 20 века – это так называемая новая поэзия, для которой характерны в целом все лингвистические доминанты: поэзии акмеистов – лексическая; поэзии футуристов – фонодеривационная, морфологическая; поэзии конца 20-начала 21 века – синтаксическая.

3. Очевидно, что тот или иной стихотворец обладает специфический языковой способностью, особенности которой выражаются в доминировании в процессе творчества какой-либо ее части – компонента. Так, в языковой способности В. Хлебникова доминируют фонетический, деривационный и лексический компоненты; в языковой способности О. Мандельштама – фонетический и лексический, а в языковой способности И. Бродского (в последней трети его творческого развития) – синтаксический компонент.

Комплексный анализ поэтических текстов И. Бродского от «Рождественского романса» до «Рождественской звезды» и стихотворения «Архитектура» показал, что становление, формирование и развитие языковой способности И. Бродского отмечены следующими этапами доминирования различных компонентов: фоно-лексического, дискурсного («строфического») и синтаксического.

Данное наблюдение позволяет сделать вывод предварительного характера о том, что в русской поэзии 21 века некоторое время будет доминировать синтаксический компонент языковой способности с последующим синтезом в единое гармоничное целое всех компонентов языковой способности обобщенной языковой / текстовой личности русского поэта.

Глагольная лексика в учебниках начального периода обучения родному языку (русскому): опыт идеографического описания

В учебных пособиях по русскому языку для первоначального обучения чтению и письму на родном языке глагольная лексика представлена довольно широко. Например, в Букваре под редакцией В. Г. Горецкого, В. А. Кирюшкина и А. Ф. Шанько содержится, по нашим данным, 536 глагольных словоупотреблений из 3928, предлагаемых для чтения. Это 254 разных глагола. Глагольная лексика представлена такими семантическими полями, как «Действие и деятельность», «Бытие, состояние, качество» и «Отношение» — словом, всеми семантическими глагольными полями, которые выделяются в Толковом словаре русских глаголов.¹

254 глагола Букваря охватывают следующие семантические подполя и лексико-семантические группы (ЛСГ):

1. ЛСГ глаголов поступательного движения субъекта
2. ЛСГ глаголов направленного перемещения
3. ЛСГ глаголов ненаправленного перемещения
4. ЛСГ глаголов помещения объекта
5. ЛСГ глаголов покрытия объекта
6. ЛСГ глаголов повреждения объекта
7. ЛСГ глаголов создания объекта в результате трудовой деятельности
8. ЛСГ глаголов графической передачи информации
9. ЛСГ глаголов восприятия
10. ЛСГ глаголов понимания
11. ЛСГ глаголов познания
12. ЛСГ глаголов мышления
13. ЛСГ глаголов решения
14. ЛСГ глаголов определения
15. ЛСГ глаголов характеризованной речевой деятельности
16. ЛСГ глаголов речевого сообщения
17. ЛСГ глаголов речевого общения
18. ЛСГ глаголов деятельности по достижению цели
19. ЛСГ глаголов физиологического действия

---

¹ Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999.

20. ЛСГ глаголов звучания
21. ЛСГ глаголов бытия
22. ЛСГ глаголов качественного состояния
23. ЛСГ глаголов владения
24. ЛСГ глаголов межличностных отношений
25. ЛСГ глаголов социальных отношений

Не обнаружено в учебнике для первоначального обучения чтения только глаголов семантического подполя взаимоотношения.

Большее количество глаголов относится к семантическому полю «Действие и деятельность», причем, широко даны слова с семантикой конкретного действия, наиболее воспринимаемые младшими школьниками в силу возрастных особенностей мышления. Преобладающее количество словоупотреблений приходится на долю глаголов со значением деятельности, созидательной, интеллектуальной, речевой.

Представим в виде таблицы лексико-семантические группы глаголов, встречающихся в Букваре.

Таблица 1
ЛСГ глаголов, представленных в «Букваре»

Семантическое поле, подполе	Кол-во слов	Кол-во сл/употр.	Частотность
Действие и деятельность	188	436	2,3
Глаголы движения	33	60	1,8
Глаголы перемещения объекта	14	31	2,2
Глаголы помещения	22	35	1,5
Глаголы физического воздействия на объект	28	46	1,6
Глаголы созидательной деятельности	18	32	1,7
Глаголы интеллектуальной деятельности	25	72	2,8
Глаголы речевой деятельности	16	69	4,3
Глаголы социальной деятельности	13	31	2,3
Глаголы физиологического действия	10	43	4,3
Глаголы звучания	9	17	1,8
Бытие, состояние, качество	49	108	2,2
Глаголы бытия	35	80	2,2
Глаголы состояния	14	28	2,0
Отношение	22	45	2,0
Глаголы владения	15	34	2,2
Глаголы межличностных отношений	4	4	1,0
Глаголы социальных отношений	3	7	2,3

Если сравнивать частотность употребления глаголов разных семантических полей, то нужно отметить, что этот показатель примерно одинаков в трех семантических полях и составляет от 2,3 до 2,0.

Наиболее частотными являются глаголы речевой деятельности (говорить, сказать – 32 словоупотребления), интеллектуальной деятельности (знать – 17 словоупотреблений) и физиологического действия (коэффициент – 4,3). Частотность употреблений глаголов первой из указанных групп может быть объяснена новым для первоклассников видом деятельности, так как они впервые теоретически осознают различные виды речевой деятельности, такие как чтение и письмо. Вторая группа глаголов отражает актуальные для детей потребности в еде, сне, физических упражнениях и т.д.

Наименее частотны глаголы подполя межличностных отношений: средняя частота их употребления – 1,0. Данная группа слов представлена небольшим количеством глаголов – 4, каждое из которых встречается в контексте лишь один раз.

В количественном отношении абсолютное большинство глаголов, представленных в учебнике по русскому языку для первоначального периода обучения чтению на родном языке, – это глаголы действия и деятельности. Таких глаголов насчитывается 188, словоупотреблений – 436. Наименьшим количеством глаголов представлено семантическое поле «Отношение» – всего 22 слова.

Наибольшим количеством, разнообразием глаголов представлено семантическое подполе движения, а также подполе глаголов физического воздействия на объект. Эти глаголы с конкретной, осознаваемой детьми как действие семантикой широко представлены в речи младших школьников. Данные семантические подполя соотносимы с конкретно-образным мышлением детей этого возраста.

Наименьшим количеством слов отмечено подполе социальных отношений – 3 единицы. Очевидно, это можно объяснить, что глаголы со сложной абстрактной семантикой, которая не осознается младшими школьниками как действие, вводятся в школьные учебники постепенно.

Если сравнить процентный состав глаголов в разных семантических полях в современном русском литературном языке (СРЛЯ) и в учебниках для первоначального обучения чтению (Уч), то можно отметить следующее соответствие. В поле «Действия и деятельности» в СРЛЯ – 72,6 %, в Уч – 66%. В поле «Бытие, состояние, качество» в СРЛЯ – 18,9%, в Уч – 24%. В поле «Отношение» в СРЛЯ – 8,5%, в Уч – 10%. Как видим, семантический состав глагольной лексики в первой книге для обучения чтению на русском языке отражает закономерности глагольной системы русского языка.

Итак, идеографическое описание глагольной лексики Букваря как первой книги для чтения на родном языке показывает, что в учебнике представлены:

- 1) наиболее актуальная для первоклассника глагольная лексика с конкретной семантикой (ЛСГ глаголов поступательного движения субъекта, глаголов направленного перемещения, глаголов ненаправленного перемещения, глаголов помещения объекта и т.д.)
- 2) глагольная лексика, отражающая новые для ребенка явления, развивающая его мышление и речь (ЛСГ глаголов мышления, глаголов решения, глаголов определения, глаголов характеризованной речевой деятельности глаголов речевого сообщения, глаголов речевого общения, глаголов деятельности по достижению цели)
- 3) Не представлена глагольная лексика семантического подполя взаимоотношения, которая необходима, на наш взгляд, в период вхождения ребенка в первый, как правило, для него социум
- 4) В количественном отношении наиболее широко представлены глаголы деятельности, созидательной, интеллектуальной, социальной, речевой (72 глагола, 204 словоупотребления)
- 5) Самыми частотными также являются глаголы интеллектуальной и речевой деятельности (коэффициент частотности соответственно – 2,8 и 4,3)
- 6) Количественный состав и частотность глаголов деятельности отражает соотносится с деятельностным подходом к обучению в целом и к обучению речевой деятельности
- 7) Глагольная лексика в первом учебнике чтения на родном языке отражает закономерности глагольной системы языка.

*Ю.И. Костромина
Уральский университет*

Семантико-синтаксические особенности глагольной рифмы И. Бродского

1. Долгое время поэтическая рифма осознавалась как категория стиховедческая и исследовалась в основном в просодическом аспекте. Сегодня же, учитывая достижения лингвистики текста, можно утверждать, что рифма, являясь единицей дискурсивной формы и сферы поэтического текста, должна рассматриваться как явление смысловое, текстовое, то есть единица, которая участвует и в текстостроении, а также в смысловыражении.

2. Лексико-синтаксическая рифма И. Бродского – это результат выражения в его поэтической способности концептуального видения мира.

Рифма является ключевой частью общей структурно-смысловой и тематической организации стихотворения.

Пример 1: *Я говорю, а ты меня не слышишь.*

*Не крикнешь, нет, и слова не напишешь,
ты мёртвых глаз теперь не поднимаешь
и мой, живой, язык не понимаешь.*

Данное четверостишие из стихотворения «Витезслав Незвал» разрабатывает тему отсутствия контакта с тем, к кому обращается автор, и контакта – прежде всего – речевого. При этом большинство глаголов, три из четырёх, обладающих этим значением, как мы видим, вынесены в рифму. Таким образом, рифма концентрирует в себе смысл всего четверостишия.

Пример 2: *...но раз в году умолкший голос*

*негромко выкрикнет – пиши,
по временам сквозь горький холод,
живя по-прежнему, спеши.*

(«Петербургский роман»)

Семантическая организация этого катрена строится на противопоставлении творчества (вечного) и суеты жизни (преходящего). Особенно остро это противопоставление представлено в рифме *пиши / спеши*. Следовательно, можно сделать вывод, что творчество в концепции И. Бродского исключает поспешность.

3. Смысло-тематические особенности лексико-синтаксической рифмы И. Бродского позволяют не только систематизировать их, но и произвести многоаспектное идеографическое описание такой рифмы как текстовой единицы.

4. Смысловый словарь рифм И. Бродского, на наш взгляд, должен включать в себя словарную статью, которая имеет следующую структуру:

I. Обозначение зарифмованных лексем:

А: *не слышишь / не напишешь*

Б: *не поднимаешь / не понимаешь*

II. Стиховедческая характеристика рифм:

а) Парная рифма – *абаб*;

б) С женской клаузулой – *ж ж ж ж*.

в) А: первая рифмопара – точная, богатая;

Б: вторая рифмопара – точная, глубокая.

III. Грамматическая характеристика рифм:

А: глагол (наст. вр., 2 л., ед. ч.) / глагол (буд. вр., 2 л., ед. ч.)

Б: глагол (наст. вр., 2 л., ед. ч.) / глагол (наст. вр., 2 л., ед. ч.)

IV. Сопоставление и анализ лексических значений зарифмованных слов с целью установления ассоциативных связей между ними:

А: не слышишь } общая ассоциативная сема
не напишешь } «отсутствие речевого контакта»

V. Сопоставление контекстных смыслов зарифмованных лексем с целью нахождения общих ассоциативных сем в тех рифмопарах, которые не удалось проанализировать на лексическом уровне:

Б: (глаз) не поднимаешь } общая ассоциативная сема
(мой язык) не понимаешь } «отсутствие контакта»

VI. Выделение главного (порождающего рифмопарадигму) слова;

не слышишь — не напишешь
                  -----не поднимаешь
                  не понимаешь

VII. Вывод:

А: лексическая рифма

Б: синтаксическая рифма

В перспективе видится возможным полное идеографическое описание лексико-синтаксической рифмы И. Бродского в рамках всего его поэтического наследия.

М. Л. Кусова

Уральский педагогический университет

Человек и его бытие: семантический анализ глагольных фразеологизмов

Одной из единиц номинации в системе языка являются фразеологизмы, являющиеся "средством отражения и познания объективного мира" (Жуков, 1986, 26). Это "характерная часть номинативного состава языка (Телия, 1996, 80). Причем, основной массив фразеологических единиц связан с человеком, что подтверждается материалами фразеологических словарей. В "Ассоциативном фразеологическом словаре русского языка" (Добровольский, Караулов) 10 семантических групп фразеологизмов из 16 выделенных связаны непосредственно с человеком, единицы в других группах также опосредованно соотносятся с миром человека.

Количественная представленность фразеологических единиц в семантических группах фразеологизмов такова (информация о количестве единиц в группе содержится в словаре): 1) характеристика человека по сравнительным качествам - 73 единицы, 2) физическое состояние - 21 единица, 3) физическое действие и перемещение - 40 единиц, 4) чувство - состояние - 59 единиц, 5) чувство - отношение - 40 единиц, 6. деятель-

ность - 154 единицы, 7) труд - безделье - 22 единицы, 8) бедность - богатство - 29 единиц, 9) интеллектуальные способности и состояние - 38 единиц, 10) интеллектуальная деятельность - 58 единиц, 11) речевая деятельность - 62 единицы, 12) поведение - 112 единиц, 13) характеристика событий, явлений - 39 единиц, 14) пространство - 12 единиц, 15) время - 18 единиц, 16) мера - 24 единицы.

Из 743 фразеологизмов 647 непосредственно связаны с человеком (87%).

Согласно материалам другого словаря, словаря Р. И. Яранцева "Русская фразеология", описание фразеологизмов в идеографическом аспекте позволяет выделить 3 тематических поля: - эмоции и чувства человека, - свойства и качества характера человека, - характеристика явлений и ситуаций.

В составе первого тематического поля - 449 единиц, второго - 317 единиц, третьего - 959 единиц. Большинство единиц третьего поля также связаны с человеком, т.к. в этом поле выделяются такие тематические группы, как "Единство - разногласие", "Оценка", "Приглашение" и т.п. "Тяготение" фразеологизмов к миру человека объясняется особенностью их семантики. В. П. Жуков отмечает, что фразеологизмы тематически и семантически ограничены: в отличие от лексики, определяющей все многообразие предметов, явлений и свойств внеязыковой действительности, "... фразеологизмы в содержательном отношении охватывают прежде всего сферу переживаний и чувств, а также разнообразную гамму оценок и квалификаций чело-л. или (реже) кого-л." (Жуков, 1986, 26).

Ориентированность фразеологизмов на мир человека позволяет предполагать, что семантический анализ глагольных фразеологизмов, связанных с человеком, даст возможность установить, что в человеке и в связи с человеком особенно актуально для носителя языка.

Глагольные фразеологизмы, связанные с человеком, распределяются в пределах трех семантических полей: поля действия, поля состояния, поля отношения. Заметим, что данная классификация, традиционно используемая при описании категориально-грамматического класса глаголов, отражает реальное распределение глагольных фразеологических единиц.

В семантическом поле действия выделяются прежде всего фразеологизмы, отражающие бытие человека. С лексической единицей "умереть" соотносится целый ряд фразеологизмов: по данным словаря Р. И. Яранцева 13 глагольных фразеологизмов обозначают конец, окончание, завершение, 40 - кончину, смерть. Не останавливаясь на представленности именно глагольных фразеологизмов в данных тематических группах, отметим, что группа "Кончина, смерть" - одна из самых больших в данном словаре (лишь одна группа превышает ее по

количеству единиц: в группе "Насмешка" содержится 53 фразеологизма).

На уровне лексических единиц не наблюдается подобное разнообразие, тогда как фразеологические единицы этот аспект бытия представляют по-разному: это прекращение жизни (*отдавать концы*), уход в мир иной (*отправляться к праотцам*), прекращение всяких контактов с миром живых (*унести с собой в могилу*).

Указанные выше фразеологизмы противостоят фразеологизмам, называющим существование: это начало существования (*вступить в жизнь*) и особенности данного процесса (*жить как птица небесная*), обстоятельства его существования (*попадать впросак*). Характеристика обстоятельств связана с выделением таких негативных факторов, как путаница, беспорядок (*расхлебывать кашу*) бесполезности, бесцельности существования (*толочь воду в ступе*).

Наряду с негативными факторами, глагольные фразеологизмы обозначают и позитивное в существовании человека: наличие помощи (*открывать зеленую улицу*), успеха (*идти в гору*). Однако фразеологизмов, обозначающих позитивные стороны процесса бытия человека (не только глагольных, а вообще фразеологических единиц), значительно меньше: по данным словаря Р. И. Яранцева для обозначения успеха, удачи, признания используются 13 фразеологических единиц, для обозначения неудачи, разочарования - 22, для обозначения мастерства - 5 единиц, а для обозначения трудностей, усилий - 10. Полагаем, что даже ограниченные статистические выкладки дают возможность сделать некоторые выводы о тех фрагментах действительности, обозначение которых актуально для носителя русского языка.

Продолжая характеристику глагольных фразеологизмов семантического поля "действие", выделяем фразеологизмы, обозначающие деятельность человека: результаты деятельности (*перевертывать вверх ногами*), ее содержание (*размениваться на мелкую монету*) условия ее осуществления (*связывать по рукам и ногам*). Человеческая деятельность в глагольных фразеологизмах представлена достаточно дифференцированно, что определяется двуденотативностью фразеологических единиц и что дает возможность дифференцировать наши представления о действительности. В. Г. Костомаров и Е. М. Верещагин утверждают, что национально-культурная специфика присутствует на всех уровнях языка, однако наиболее ярко она проявляется в так называемых строевых единицах языка, словах, фразеологизмах, которые "... непосредственно и прямо отражают внеязыковую действительность" (Костомаров, Верещагин, 1990, 3-4).

Среди глагольных фразеологизмов, определяющих трудовую деятельность человека, выделяются единицы, первичный денотат которых не имеет никакого отношения к трудовой деятельности (*гранить*

мостовую, слона гонять, лощить бульвары, валять дурака, гонять лодыря). При этом в глагольных фразеологизмах наблюдается четко выраженная избирательность: не определяются временные, пространственные параметры трудовой деятельности, не определяется инструмент, и даже если первичный денотат соотносится с орудием действия, то речь идет об орудиях, использование которых при выполнении данного действия невозможно носить воду решетом.

Человеческая деятельность на уровне глагольных фразеологизмов представлена достаточно дифференцированно: интеллектуальная деятельность (*упускать из виду*), речевая как один из видов интеллектуальной деятельности (*держать язык за привязи*).

Глагольные фразеологизмы, обозначающие состояние человека, можно распределить по трем группам: эмоциональное состояние, социально обусловленное и социально значимое состояние, физиологическое состояние. Фразеологизмы, обозначающие эмоциональное состояние, распределяются по двум семантическим группам: позитивное эмоциональное состояние и негативное эмоциональное состояние. Позитивное эмоциональное состояние - это восхищение, восторг, счастье, радость (*быть на верху блаженства*), увлечение, влюбленность, обожание, любовь (*отдавать сердце*). Глагольных фразеологизмов, обозначающих негативное эмоциональное состояние гораздо больше: они количество преобладают и более разнообразна их семантика: насмешка, презрение (*поднимать на смех, душа не лежит*), негодование, возмущение, гнев (*потерять себя, рвать и метать*), отчаяние, бессилие, безнадежность (*падать духом, биться как рыба об лед*) и т.п. (Сведения о семантических группировках фразеологизмов приведены с опорой на словарь Р. И. Яранцева).

Анализ данных фразеологизмов, как и фразеологизмов семантического поля "деятельность" позволяет говорить о преобладании отрицательной оценки в данных единицах. Аналогичные выводы были ранее получены нами на другом фразеологическом материале, подтверждение их на материале глагольных фразеологизмов позволяет утверждать, что, интерпретируя языковую картину мира, носитель языка видит прежде всего негативное в этом мире.

Фразеологизмы, обозначающие социальное состояние человека, указывают на обладание властью, силой, влиянием (*брать в руки, брать верх*) на крах, падение (*катиться по наклонной плоскости*). При определении социальной значимости человека существенными негативными признаками оказываются некоторая усредненность человека (*звезд с неба не хватает*), неопытность, бестолковость, несообразительность (*пороха не выдумает*). Перечисленные негативные признаки можно объединить с учетом семантического компонента "не такой, как...". При этом критерием отсчета является некоторая заложенная в нашем сознании норма,

тогда как не норма – отсутствие опыта, несообразительность, неумение проявить себя.

При определении социального статуса значимы также богатство - бедность (*как сыр в масле кататься, садиться на хлеб и воду*). По данным словаря Р. И. Яранцева, семантический компонент "достаток" присутствует в 4 фразеологизмах, "бедность" - в 10 (включаются не только глагольные фразеологизмы).

Обращаясь к фразеологическим единицам, обозначающим физиологическое состояние, отмечаем, что прежде всего выделяются фразеологические единицы, характеризующие человека в плане его "психического" здоровья, со значением "психически ненормальный, умственно отсталый" (*тронуться в уме*).

Фразеологизмы семантического поля "отношение" определяют отношения межличностные, деловые (*не детей крестить, надувать губы, делить шкуру неубитого медведя*), эмоциональные (*иметь зуб, ездить верхом, лить крокодиловы слезы*). Очевидно, что фразеологические единицы, обозначающие эмоциональное отношение, достаточно последовательно связаны с отрицательными полюсами чувств и указывают на неодобрение, безжалостность, безразличие.

Выделяются также фразеологизмы, обращающие внимание на жестокость в межличностных отношениях (*содрать шкуру*), на отсутствие подчинения (*отбиваться от рук*), на отсутствие внимания, благодарности по отношению друг к другу (*забывать хлеб-соль, задирать хвост*).

Таким образом, описание глагольных фразеологических единиц в семантическом аспекте позволяет говорить о тех явлениях действительности, что наиболее значимы для носителя языка. Фразеологизм является вторичным способом наименования явлений действительности, семантика его связана с процессом интерпретации, и в том процессе интерпретации в связи с человеком значимы его социальная деятельность, его социальный статус, его социальные отношения. Глагольные фразеологизмы представляют человека как существо социальное, и в представлении этой социальной характеристики очень много негативного, что в рамках когнитивного подхода можно объяснить, ссылаясь на В. В. Виноградова: "Обозначая явление, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности. Оно отражает понимание "кусочка" действительности и его отношений к другим элементам той же действительности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в известную эпоху..." (1977, 163).

Примечания

1. Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.

2. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М., 1994.
3. Жуков В.П. Русская фразеология. М., 1986.
4. Костомаров В.Г., Верещагин Е.М. О русских фразеологизмах в лингвострановедческом учебном словаре /Фелицына В.П., Мокиенко М.В. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь //Под ред. Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова. М., 1990.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996.
6. Яранцев Р.И. Русская фразеология: Словарь-справочник. М., 1997.

И. К. Миронова
Уральский университет

Отображение ситуации рыбной ловли на когнитивно-пропозициональном уровне

Чем ближе приближается рыболовство к тому, чтобы занять последнее место среди добывающих отраслей в современной России, тем большее количество людей занимается этим видом деятельности в качестве хобби. Популярность рыбалки в России огромна: выходят специальные справочники, энциклопедии по рыболовству, телевидение транслирует программы, посвященные секретам рыбной ловли. Существует даже особый профессиональный жаргон - жаргон рыбаков.

Несомненно, что сама "Рыбалка" выступает в качестве универсального концепта, но особенности его воплощения в разных языках имеют ярко выраженную национальную специфику. Так, можно с уверенностью утверждать особую значимость рыбалки для сознания русского человека. Можно предположить, что знания о ситуации рыбной ловли на когнитивно-пропозициональном уровне существуют в виде сценария, "предполагающего схему действий, складывающуюся из двигательных образов" (Ю. Н. Караулов): собственно рыбная ловля и процесс первоначальной обработки рыбы. За исходное положение принимается утверждение Ю. Н. Караулова о том, что "двигательные представления внешних действий могут выражаться пропозицией". Целью данного исследования является моделирование когнитивно-пропозициональной структуры (далее – КПС), которая репрезентирует знания о типовой ситуации рыбной ловли, присутствующие в сознании русского человека. Выявление КПС проводилось по модели анализа, предложенной Л. Г. Бабенко, согласно которой индивидуальные особенности, характеризующие типовую ситуацию, реализуются в речи, в конкретных высказываниях, поэтому моделирование типовых КПС осуще-

ствляется путем обобщения регулярно повторяющихся позиций в высказываниях, передающих эту ситуацию. Существенные свойства, характеристика ситуации рыбной ловли, ее национальные особенности обнаруживаются в результате анализа конкретных лексических репрезентаций КПС типовой ситуации.

Анализ показал, что знания о ситуации рыбной ловли отображаются на когнитивно-пропозициональном уровне в виде КПС, состоящей из следующих позиций: Субъект – Предикат – Объект – Средство / Предприятие – Приспособление. Обозначим наиболее существенные для сознания русского человека этнокультурные характеристики компонентов данной когнитивно-пропозициональной структуры.

В России до сих пор рыболовы используют традиционные способы ловли, ориентированные на действия одного человека. Поэтому при лексической репрезентации КПС субъект рыбной ловли всегда предстает как одушевленное лицо (человек или группа лиц). Выделяются следующие способы замещения позиции субъекта рыбной ловли: 1. Самый характерный и частотный способ замещения позиции субъекта – номинация субъекта, специализированного относительно определенного, но недифференцированного по виду объекта – рыбы: *рыбак, рыбалка* – "2. Прост. Рыбак, рыбака", *рыбарь* – "Устар. и прост. Рыбак", *рыбачка, рыбак*. 2. Субъект, выполняющий функцию включенного скрытого предиката: *ловец, рыболов, удильщик*. 3. Субъект, специализированный по способу добычи рыбы: *тралмейстер* – "Лицо, руководящее траловым ловом рыбы; тральщик", *тральщик*. 4. Субъект, специализированный по средству, используемому при в процессе рыбной ловли: *гарпунщик* – "Метатель гарпуна", *гарпунёр*. 5. Субъект – работник, производящий первичную обработку рыбы: *икряник* – "Рабочий рыбных промыслов, занимающийся обработкой икры; икорный мастер", *резалка* – "Разг. 2. Работница, специалистка по разделке рыбы; резальщица", *резальщик, резальщица, рыбообработчица*. Спецификой русской рыбалки является то, что субъект, занимающийся рыбной ловлей, обычно осуществляет и первичную обработку рыбы.

Позиция предиката может замещаться следующими лексемами:

1. Предикаты добычи / профессионально-трудовой деятельности: *блеснить* – "Рыб. Ловить на блесну", *выудить, гарпунить, ловить, наловить, наудить, подсачить* – "Рыб. поймать сачком, а также, забрав в сачок, подвести к берегу, к лодке (рыбу)", *подсечь* – "5. Рыб. Дернуть удилищем лесу в момент клева, чтобы крючок хорошо зацепил", *половить, порыбачить, поудить, рыбаить* – "Прост. То же, что рыбачить", *рыбачить* и т.д. 2. Отглагольные существительные, которые функционируют как включенные скрытые предикаты, поскольку выступают в качестве дополнительного предиката, осложняющего какой-л. процесс: *промысел* – "2. Добывание (зверя, птицы, рыбы) охотой, ловлей", *заброс, подсечка, лов, рыбалка, рыба-*

чество и т.д. 3. Предикаты, соотносимые с объектом рыбной ловли (с рыбой): *брать* – "1. Клевать (о рыбе)", *заглотать* – "Проглотить (обычно о рыбе)", *идти* – "Разг. Устремляться на приманку, ловиться", *клевать, ловиться, удиться, хватать* – "1. Разг. Клевать (о рыбе)" и т.д. 4. Предикаты обработки: *начистить, обескровить, потрошить, чистить* и т.д.

Таковы основные лексические репрезентации позиций субъекта и предиката в КПС, которая репрезентирует знания о ситуации рыбной ловли. Если охарактеризовать актантные и сирконстантные позиции в данной КПС, то можно отметить следующее. Очевидно, что популярность рыбалки и приверженность традиционным способам ловли во многом обусловлена особенностями местности, географическим положением России, спецификой так называемого "кормящего ландшафта" (термин Л.Н. Гумилева), который определяет своеобразие не только самого процесса рыбной ловли, но и лексики, отображающей эту ситуацию. Так, можно отметить, что в большинстве случаев лексика, связанная с рыбной ловлей, – исконно русская по происхождению (удочка, поплавки, бредень, блесна, клевать, грузило, сеть, леса и т.д.), некоторые слова являются диалектными (кукан – "Обл. Бечева, на которую нанизывают пойманную рыбу", шугайка – "Мелкая щука" и т.д.). В том случае, если присутствует заимствованная лексика (например, спиннинг), то связано это с редкими случаями заимствованиями денотата.

В КПС выделяется средство, специализированное для перевозки и/или добычи рыбы, а также предприятие, где производится первичная обработка рыбы: *дрифтер* – "Морское рыболовное судно, приспособленное для лова специальной сетью", *прорезь* – "2. Рыб. Судно для перевозки живой рыбы, имеющее с средней части отсек, отгороженный двумя водонепроницаемыми перегородками, днище которого сообщается через щели с забортной водой", *рыбница* – "Рыб. 2. Промысловое рыболовное судно", *рыбовоз, сейнер, тральщик* – "1. Рыболовное судно, снабженное тралами (в 1 зн); траулер", *траулер, шаланда, рыбозавод, рыбокомбинат, рыбфабрика* – "Судовая фабрика по переработке свежельвленной рыбы", *рыбцех* и т.д.

Можно отметить, что лексические репрезентации специализированных средств, используемых для перевозки и/или промышленного лова/ обработки рыбы немногочисленны и не обладают какой-л. выраженной национальной спецификой, очевидно, это обусловлено тем, что русские рыбаки привыкли в процессе рыбной ловли и последующей первичной обработки рыбы все делать своими руками, не пользуясь какими-л. специальными устройствами. Кроме того, сама рыба является достаточно специфическим объектом, который сложно обработать при помощи машины.

В КПС входит также приспособление, непосредственно используемое для ловли рыбы: *блесна, болтанка, бредень, вентерь, верша, волокуша,*

гарпун, грузило, жерлица, живец, закудушка, кошель, крючок, леса, леска и др. Наличие большого количества небольших водоемов (рек, озер) и умеренный климат определили в качестве основного такой способ добычи рыбы, при котором человек долгое время неподвижно находится в воде или в непосредственной близости от нее: лов рыбы при помощи сети, невода, бредня, "взбродку" и т.д., что также нашло отражение в лексике. Показательно, что на русской рыбалке используется небольшое количество приспособлений и инструментов, популярны опасные способы ловли (из воды, с лодки, зимняя рыбалка). Возможно это и определяет особую экспрессивность и метафоричность как самой лексики, непосредственно связанной с рыбалкой, так и лексики, "окружающей" эту ситуацию: бабахать – "Резко, сильно, неожиданно клевать (о крупной хищной рыбе)", карандаш – "Малек щуки, размером до 15 см", свежак – "Свежепойманная рыба". С другой стороны, в процессе рыбной ловли русские активно используют приспособления, представляющие собой различные сети. Возможно, что это обусловлено тем, что одним из важнейших свойств характера русского человека является лень, что и определило следующую особенность русской рыбалки: обычно идет пассивная рыбалка, не требующего непосредственного контакта со снастью (сеть, морда, перемет и т.д.).

Позиция объекта рыбной ловли замещается следующими лексемами: 1. Обобщенное название объекта: *живое серебро* – "О выловленной промысловой рыбе", *лов* – "2. Устар. Добыча, улов", *свежак, свежие, улов* и др. 2. Обозначение конкретного вида рыбы, которая является объектом ловли. Анализ этой лексики позволяет сделать интересные наблюдения. Всего в различных словарях зарегистрировано около 200 различных видов рыб. В разные эпохи В России одни виды рыб ценились меньше, другие – больше. Морская рыба стала появляться на столе у русских (исключая северные районы) только во времена Петра I. Многие виды рыб, например *треска*, считались второсортными. Отсутствие среди российских рыб ядовитых или непригодных для употребления в пищу, детерминировало частые случаи неразличения отдельных пород: слово "*чебак*" подразумевает обычно и плотву, и красноперку, и ельца и др. Основными видами рыб, которых ловят в России, являются *плотва, уклейка, ерш, пескарь, окунь, карась, лещ, густера, карп, сазан, язь, линь, голавль, жерех, щука, судак, налим, сом, хариус, линок, таймень*, среди менее распространенных можно назвать *ельца, подуста, красноперку, угря, ротана, форель, стерлядь, чехоня* и др.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что особенности географического положения России, погодных условий, неравноценность времен года, сам национальный характер, соединяющий в себе как созерцательные, так и активные черты, определили концептуальную значимость для русского человека ситуации рыбалки. Конкретизация кон-

цепта рыбалки в русском языке осуществляется в разных аспектах и различными языковыми средствами. Прежде всего находят отражение те характеристики ситуации, которые каким-л. образом связаны и могут быть проинтерпретированы через представления об особенностях национального характера русских. Так, крайне мало лексики, связанной с промышленной добычей рыбы. Рыбалка в зеркале русского языка предстает как индивидуальное занятие. То, что Россия занимает большое географическое пространство, определяет крайнее разнообразие как самих рыб, так и водоемов, где они ловятся - от моря (*бычок*) до ручья (*гольян, вьюн*).

Русские писатели по-разному пытались объяснить феномен любви русского человека к рыбалке.

В. Белов замечает, что в рыбалке отражается "вечный интерес человека к поэзии воды". С. Аксаков писал, что "удочка и ужение - слова магические, сильно действующие на душу". Возможно, в любви к рыбалке проявляется такие черты русского характера, как, с одной стороны, терпение, а с другой - увлеченность, эмоциональность, азартность.

Примечания

1. Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. Барнаул, 1985. 560 с.
2. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста: Учебник для вузов по спец. "Филология". Екатеринбург, 2000.
3. Белов В. Лад. Очерки о народной эстетике. М., 1982.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 262 с.

А. М. Плотникова
Уральский университет

Внутренняя форма и синтагматические свойства глаголов

Представление о глаголе как о семантически сложном признаком слове, включающем в свое значение указание на предметные имена, прочно утвердилось в лингвистической семантике (см. работы В. В. Виноградова, Л. М. Васильева, Э. В. Кузнецовой, В. П. Москвина, А. А. Уфимцевой и др.). Субстанциональные семы в значении глагола оказывают существенное влияние на его синтагматические свойства, достаточно четко очерчивая ситуацию, обозначаемую глаголом, и ее участников. Например, в дефинициях глаголов *уволить* – *отстранить* (*военнослужащего*) от несения службы; *исхлестать* – *портить что-л., нанося многочисленные удары чем-л. гибким* (*бичом, кнутом, плеткой и т.п.*), *истачивать* – *повреждать что-л., проедая и делая дыры* (*обычно в древесине*) во многих

местах (о насекомых, грызунах) содержится указание на субъектные, объектные, инструментальные, локативные и другие субстантивные компоненты, которые, будучи дифференциальными семами в лексических значениях глаголов, одновременно являются актантами или сирконстантами в семантической модели предложений с данными глаголами.

По словам Э. В. Кузнецовой, «глагол и имя – это прежде всего некоторое единство противоположностей, которое может существовать только как часть этого единства, только в рамках его...» (Кузнецова, 1987, 3). Эта характеристика языковой системы обнаруживается в возможности взаимообмена семантических компонентов имени и глагола. Так, В.Д. Черняк, исследуя отглагольные существительные, говорит об «иррадиации глагольной семантики в сферу имени существительного» (Черняк, 1989, 9). Взаимная соотносительность глагола и имени, по мнению Э.А. Лазаревой, также ярко проявляется в орудийных существительных (Лазарева, 1982).

В то же время некоторые глаголы не только включают в свою семантику предметные имена, но и мотивированы существительным. Например, *грустить* – испытывать *грусть*; *витаминизировать* – обогатить *витаминами*; *зашторить* – *плотно закрыть шторой*. Такие глаголы в литературе называют глаголами с инкорпорированными актантами. Видимо, словообразовательная мотивация глагола существительным позволяет говорить об иррадиации предметной семантики в сферу глагола.

Анализ материала позволяет выявить следующие типы глаголов в зависимости от семантического статуса мотивирующего компонента в структуре лексического значения глагола:

1. Глаголы с инкорпорированным мотиватором – субъектом. Например, *высемениться* (о *травах*), *завьюжить* (о *вьюге*), *измазаться* (о *краске, мази*), *измыливаться* (о *мыле*), *куститься* (о *растениях*), *распогодиться* (о *ясной погоде*), *трубить* (о *трубе*), *штормить* (о *море*) и др. В качестве субъектного компонента выступают чаще имена – натурфакты (растения, явления природы), реже – артефакты.

В предложениях с глаголами, включающими субъектные семы со значением «явления природы», субъектный актант может быть не представлен. Например, глаголы *бушевать* (о *буране*); *штормить* (о *море*), *светить* (о *восходе солнца*), *распогодиться* (о *ясной погоде*), *завьюжить* (о *вьюге*), *вечереть* (о *вечере*), *ветренеть* (о *погоде*) употребляются чаще (или только) в безличной форме, о чем свидетельствует и соответствующая помета в словаре и анализируемые контексты. Тавтологичны и семантически недопустимы сочетания типа «пена вспенилась», «горб горбится», «пар испарился» и т.п. Так, хотя в дефиниции глагола *ощетиниться* содержится указание на субъектный компонент «о *щетине, шерсти*», ограничения в лексической сочетаемости и пресуппозитивные знания не позволяют носителю языка образовать сочетание «*щетина щетинится*». В

сочетании *собака оцетинилась* происходит метонимический перенос с части на целое. В сочетаниях с глаголом *пениться*, мотивированным именем «пена», происходит метафорический перенос. Например: *Вода (подобно пене, словно пена) шипит и пенится за бортом и брызжет внутрь. Стеклаются*

Также в позиции субъекта при таких глаголах может использоваться не субъект-мотиватор, а синонимичное ему имя (*пшеница колосится, краска измазалась*) или субъект-мотиватор снабжается какими-либо дополнительными признаками (*В жесткой воде мыло плохо мылится. Новое душистое мыло быстро измылилось*).

Большинство глаголов с инкорпорированным субъектом-мотиватором относится к лексико-семантическим группам поведения и профессионально-трудовой деятельности. Глаголы этих групп (*ассистировать, дирижировать, режиссировать, лентяйничать* и др.) мотивированы именем – субъектом выполняемого действия.

2. Глаголы с инкорпорированным мотиватором-объектом. Мысль о синтагматической значимости глагола связана не столько со сферой субъектных, сколько со сферой объектных отношений глагола. Вслед за Н. Н. Арват, В. В. Богдановым, Т. В. Шмелевой и др. объект понимается нами как зависимый от предиката неактивный компонент, обозначающий предмет, на который направлено или при помощи которого проявляется предикативный признак субъекта.

Лексические значения таких глаголов (*авансировать, баррикадировать, грустить, информировать, дезинформировать, зарифмовать, комплектовать, конспектировать, праздновать, практиковать, программировать, проектировать, фантазировать* и др.) часто обозначают ситуацию созидательной или интеллектуальной деятельности, а включенный объект выполняет семантическую функцию результата, например: *конспектировать – составлять конспект* (конспект – результат); *программировать – составлять программы для ЭВМ* (программы – результат). При этом во многих случаях в качестве объектного аканта выступает имя с процессуальной семантикой, например: *терроризировать – осуществлять террор; террор – наиболее острая форма борьбы против политических и классовых противников с применением насилия вплоть до физического уничтожения*). Процессуальная семантика наследуется значением глагола-деноминатива и в процессе формирования глагольного значения или транспозиции (*террор – терроризировать, конспект – конспектировать, комплект – комплектовать*) возникает лишь свойственная каждому глаголу «хронотопная характеристика» (Е. С. Кубрякова) или «временная локализованность» (Т. В. Булыгина).

3. Глаголы с инкорпорированным инструментом-мотиватором. Глаголы этой группы включают в лексическое значение семы со значением инструмента или способа действия (*асфальтировать, бальзамиро-*

вать, бетонировать, бомбить, бороться, бронзировать, грунтовать, душисть, приклеивать, крахмалить, просмаливать, проспиртовывать и др.). Как видно уже из представленных примеров, многие глаголы относятся к лексико-семантической группе покрытия, а включенная дифференциальная сема имеет значение «материала», например: *крахмалить* – *пропитывать* белье, платье и т.п. *раствором крахмала* для придания твердости, глянца; *бетонировать* – *заполнять бетоном*. Семантика таких глаголов включает моторную программу, фиксирующую последовательную смену событий, действий, например: *приклеить* – *прикрепить клеем или чем-л. клейким*. Моторная программа не эксплицирована в словарной дефиниции, так как пресуппозитивные знания позволяют говорящему представить действие как длящееся во времени и состоящее из определенных фаз (покрыть клеем поверхность какого-л. объекта, присоединить объект к поверхности, приложить определенные усилия и прикрепить). Семантика таких глаголов иллюстрирует функцию назначения, свойственную таким глаголам (*мыть* – *мылом*, *крахмалить* – *крахмалом*), и позволяющую осуществиться процессам компрессии и транспозиции.

Единичны случаи включения других актантов и сирконстантов в значения глаголов. Например: *обнародовать* – *довести до широкого сведения, сделать известным широким кругам* (инкорпорированный адресат – народ); *приземлиться* – *опуститься на землю* (инкорпорированный локатив – земля).

Такие глаголы демонстрируют наиболее сильные связи между предметными и признаковыми компонентами как в синтаксисе мета-языка глагольной дефиниции, так и во внутрисловной синтагматике глагола. Обозначая действия, неотторжимые от участников и объектов, они обнаруживают способность предметной сущности быть вовлеченной в динамику.

Ю. И. Плотникова
Уральский университет

Словообразовательная синонимия глагольных дериватов

В словообразовательном гнезде (СГ) можно наблюдать разные типы отношений, характерных для системной организации лексики. Большой интерес в этом плане представляют отношения словообразовательной синонимии. Под словообразовательными синонимами мы традиционно понимаем однокоренные слова, принадлежащие к одной части речи, оформленные разными словообразовательными морфемами и имеющие одинаковое или сходное лексическое значение (Е. И. Коряковцева).

Как известно, вопрос об однокоренных синонимах решается по-разному, от признания статуса синонимов только за разнокоренными словами (О. С. Ахманова) до утверждения, что обилие однокоренных синонимов является типологической особенностью русского языка (Ю. Д. Апресян, А. П. Евгеньева). Также существует «узкое» понимание синонимии как свойства слов, полностью совпадающих в своём значении, и более «широкое» её понимание как функционально-эквивалентных средств. Разное понимание синонимии связано с отсутствием единой точки зрения на сущность и структуру лексического значения слова, с неопределенностью понятия смысловой близости как таковой и степени этой близости как критерия синонимичности. Вопрос о словообразовательной синонимии остаётся открытым и требует серьёзного изучения. СГ представляют богатый материал для решения этих вопросов.

Объектом нашего анализа является глагольная зона словообразовательной парадигмы непроизводного глагола «сидеть». Предмет анализа – словообразовательные синонимы в глагольной зоне этой СГ. Среди производных глаголов с корнем «сид» было выявлено 7 пар словообразовательных синонимов, различных по степени смысловой близости и стилистической окраске. Анализ показал, что в такие отношения могут вступать только префиксальные и префиксально-постфиксальные глаголы.

Если мы имеем дело с многозначным мотивирующим словом, то можно говорить о словообразовательной синонимии только тогда, когда дериваты семантически связаны с одними и теми же ЛСВ производящего. Сразу оговоримся, что оттенки значений производных слов определялись нами как самостоятельные ЛСВ, или семемы. Материалом анализа послужили словарные дефиниции лексических значений производных глаголов с корнем «сид» в МАС и БАС. Критерии определения семантической близости производных слов – степень совпадения семных составов глаголов, что определялось в результате компонентного анализа их лексических значений, а также взаимозаменяемость анализируемых глаголов в одном контексте на уровне речений.

В своём исследовании мы опирались на классификацию синонимов, разработанную Э. В. Кузнецовой, которая понимает синонимию широко как функциональную эквивалентность. В зависимости от того, одинаковы или только сходны собственные значения функционально эквивалентных слов, а также в зависимости от типа значений слов (основных или неосновных) разграничивается три вида функциональной эквивалентности: абсолютные, контекстные и вторичные синонимы. Как показал анализ, исследуемые нами синонимичные пары отражают отношения вторичной функциональной эквивалентности, в которой выделяются семантические и стилистические оппозиции тождественного, привативного и эквиполентного типов. Теоретически можно выделить

вторичные 1) семантические, 2) стилистические и 3) семантико-стилистические тождества, привативы и эквиваленты.

В результате анализа словообразовательных синонимов среди производных глаголов с корнем «сид» обнаружилось, что они образуют в основном вторичные семантические, семантико-стилистические и стилистические эквиваленты, хотя были выявлены единичные примеры вторичного семантического тождества и привативной оппозиции.

1) Вторичные семантические тождества:

Высидеть – 1. Разг. Просидеть, пробыть где-л. какое-л. время; **отсидеть** – 2. Разг. Просидеть где-л. какое-л. время. (*Он высидел (отсидел) в гостях два часа и ушел.*) Глаголы совпадают на семном, стилистическом и функционально-синтаксическом уровне.

Вторичные семантические привативы:

Пересидеть (разг.) – 2. Просидеть, пробыть где-л. слишком долго, дольше, чем следует, чем нужно; **пересидеться** (разг.) – сидеть дольше обычного, дольше, чем нужно. (*Он пересидел (пересиделся) в этом ресторане, ему давно пора было идти домой.*) При совпадении стилистических помет, КЛС и ДС «дольше, чем нужно», они различаются дифференцирующей семой «слишком долго», включенной в семантику ЛСВ глагола **пересидеть**.

Вторичные стилистические эквиваленты:

Пересидеть (разг.) – 3. Просидеть, пробыть где-л., пережидая; **просидеть** – 2. Разг. Остаться, пробыть где-л. в течение какого-л. времени. (*Они пересидели (просидели) в палатке во время дождя.*) В этом случае наблюдается разница ДС: «пережидая» и «остаться».

2) Вторичные стилистические эквиваленты:

Засидеть (разг.) – запачкать испражнениями (о насекомых, птицах); **обсидеть** (прост.) – 2. Испачкать испражнениями (о насекомых, птицах); **засидеть**. (*Мухи засидели (обсидели) всё стекло*). Несмотря на тождественность лексического значения, эти глаголы различаются по сфере употребления.

3) Вторичные семантико-стилистические эквиваленты:

Просидеть – 2. Разг. Остаться, пробыть где-л. в течение какого-л. времени; **усидеть** – 2.../Остаться, пробыть где-л., не уходя, не уезжая и т.п. (*Дома он и дня не мог усидеть (просидеть)*). Различия наблюдаются на стилистическом и семантическом уровне. Первый глагол имеет сему «обычно долгое время», второй – потенциальную сему «несмотря на препятствие».

Досидеть – просидеть, пробыть до какого-л. времени; **досидеться** (разг.) – 1. То же, что досидеть. (*В театре он еле досидел (досиделся) до антракта*). Различие наблюдается на стилистическом уровне.

Отсидеть – 1. Долгим или неудобным сидением в одном положении вызвать онемение какой-л. части тела; **пересидеть** (разг.) – 4. Долгим или неудобным сидением в одном положении вызвать онемение какой-л. части тела, отсидеть. (*Она отсидела (пересидела) ногу*). Эти словообразовательные синонимы отличаются коннотативной частью их значений.

Таким образом, анализ показал, что члены словообразовательной синонимической пары характеризуются наличием у них одинаковых семантических признаков, однако они, как правило, имеют и дифференцирующие семантические и (или) стилистические признаки. Такие синонимы часто называют квазисинонимами (по терминологии Ю. Д. Апресяна), и мы можем предположить, что многие словообразовательные синонимы являются квази-синонимами. Как нам кажется, стоит проверить на более широком материале возникшее у нас предположение о том, что словообразовательные синонимы обычно не образуются на основе оппозиций тождества. Это обусловлено тем, что в языке словообразовательных средств меньше, чем отдельных слов, поэтому абсолютное тождество деривационных средств для языка избыточно и неудобно.

Т. В. Попова
Уральский университет

Тип словообразовательного значения производного глагола и его семантико-синтаксические связи

Современная лингвистика неоднократно обращала внимание на взаимосвязи синтаксиса и словообразования (последние являются разными проявлениями единого языкового механизма, создающего номинативные единицы), отмечала наличие деривационных процессов, ориентированных прежде всего на потребности синтаксической, а не номинативной систем языка (Ш. Балли, Е. Курилович, Е. С. Кубрякова и др.).

Во многих исследованиях рассматривается коррелятивность морфемно-словообразовательных и синтаксических особенностей русского слова (*добежать до леса*), анализируется влияние конкретизированных сем субъекта (*директорствовать*), объекта (*дырять*), орудия (*мотыжить, утюжить*), места (*иллюзовать*), времени (*зимовать*) действия,

«включенных» в словообразовательную структуру производного слова, на внешние синтаксические валентности глагола.²

Семантика мотиватора – это только один из деривационных компонентов, обуславливающих синтаксические связи производного слова. Актуальным представляется характеристика взаимосвязей типа словообразовательного значения (СЗ), свойственного данному деривату, с его семантико-синтаксическим пространством. В предлагаемом сообщении предпринята попытка определить влияние мутационных, специально-результативных, и модификационных СЗ глагола на его синтаксические связи.

Проведенный анализ обнаружил, что оба вида СЗ оказывают влияние на синтаксические связи деривата, при этом можно выделить два общих направления такого влияния. Мутационные и модификационные СЗ, во-первых, семантически конкретизируют сочетаемость глагола-деривата; во-вторых, определяют факультативность или обязательность какой-либо синтаксической связи. Например, компонент значительной интенсивности, потенциальный и семантически не конкретизированный в мотиваторе *бегать* (бегать можно быстро и медленно; многие предложения с этим глаголом не содержат такого конкретизатора вообще), становится более обязательным в синтаксических конструкциях с модификационным дериватом *разбежаться* (ср.: *Что-то ты сильно разбежался*) и мутационным *набегаться* (ср.: *Мальчик набегался вволю*).

Как показали наши наблюдения, мутационные СЗ по сравнению с модификационными оказывают более значительное влияние на синтаксические связи деривата, поскольку – помимо указанного выше влияния – в целом предопределяют актантно-сирконстантную структуру связей производного слова, часто резко изменяют ее. Так, из всех возможных валентностей глагола *бегать* (кто, с кем, где, когда, сколько, с какой интенсивностью, зачем, почему, с каким результатом /до какого состояния/ бегают) в деривате *набегаться* остаются только следующие семантически-синтаксические партнеры: кто, когда, до какого состояния, где и с кем набегался, причем две последние валентности являются факультативными: *Мальчик сегодня набегался /на улице с друзьями/ вволю*.

Таким образом, семантико-синтаксическое пространство русского глагола определяется двумя словообразовательно релевантными семантическими компонентами производного слова: значением его мо-

---

¹ Г. Г. Почепцов. Минимизация семантических ролей (об одном аспекте взаимодействия словообразования и синтаксиса) // Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Топорова. М., 1980. № 164; Г. Г. Сильницкий. Теория словообразования и ее место в системе лингвистических дисциплин // Там же.

тиватора и типом деривационной семантики используемого словообразовательного средства.

И. С. Просвирнина
Уральский университет

Глагольные конструкции в топонимии

Номинативную функцию в топонимии (как и в других областях ономастики) выполняют обычно существительные, реже прилагательные или атрибутивные словосочетания. Однако встречаются и глагольные номинации, оформленные как топонимы – сложные слова (*Изломинога, Сломиголова*), глагольные словосочетания (*Кол Тащи, урочище, Пронеси Господи, скала*) или, в крайне редких случаях, составные топонимы, сохраняющие следы предикативности, – т.е. топонимы – “застывшие предложения” (*Где Бык Утонул, урочище; Где Трактор Пал, покос*).

Некоторые из глагольных номинаций имеют собственно топонимическое происхождение, другие обусловлены фразеологизмами, бытующими в апеллятивной лексике (*Пронеси Господи, скала*), третьи связаны с “заговорными” императивами диалектного происхождения (*Боли-серцо, луг* – боли сердце; *Здеринога, камень; Изломинога, река; Изломиноги, покос; Пролейкаша, покос*). Следует отметить, что некоторые топонимы – сложные слова, рассматриваемые в топоформантных классификациях как существительные, имеют “глагольное” происхождение, хотя и дотопонимическое (*Портомой, Черторой, Дровосек, Листолом*).

Во многих случаях мотивы интерпретации не соответствуют мотивам номинации. Следует разграничивать следующие ситуации: 1) событие действительно имело место, интерпретация соответствует номинации; 2) “отсобытийную” интерпретацию вызывает собственно языковое явление – семантический комплекс исходных слов позволяет диалектоносителю “пофантазировать” на заданную тему. Здесь мотивы интерпретации могут не соответствовать мотивам номинации. Все предложено-структуры имеют отсобытийную мотивацию, о чем свидетельствуют контексты: *Где Трактор Пал // трактор старый, еще с железными колесами, в канаву упал, всем колхозом вытаскивали*. Императивные словосочетания, как правило, характеризуют труднодоступные объекты и имеют свойства “заговора” (*Здеринога, Боли Серцо*) слитное написание таких словосочетаний передает стремление топонимиста придать названию форму привычных номинативных единиц.

Все глагольные конструкции в топонимии – цельнообразованные (не ступенчатые) составные топонимы: а) дотопонимические образования, перенесенные из апеллятивной лексики (в том числе, фольклориз-

мы и фразеологизмы), б) собственно топонимического происхождения, не имеющие аналога в апеллятивной лексике (*Сукомнеушибте, покос*).

Е.Е. Романова
Уральский университет

Русский родительный падеж и соответствующие ему английские словосочетания (на материале естественнонаучного текста)

В русском научном тексте родительный падеж занимает ведущее положение по частотности употребления в сравнении с другими падежами, что может объясняться, прежде всего, его специфическим значением именно в этом речевом стиле. Самыми распространенными случаями в научном тексте является родительный объектный (1) (в словосочетаниях при именах, образованных от переходных глаголов, имя прямого объекта – в родительном, коррел. с винительным приглагольным), родительный агентивный (2) (при именах действия), посессив (3) (в моделях, характеризующих предмет по принадлежности), а также родительный носителя признака (4) (при именах отвлеченных со значением свойства, качества – в родительном имя предмета – носителя названного признака) [2]:

- 1) при изучении этих вопросов; понимание динамики; объяснение численности;
- 2) распределение взрослых растений и подростков; колебания численности распространение организмов
- 3) судьба популяции; судьба отдельных организмов;
- 4) обилие организмов; продолжительность жизни; размер популяции

При сочетании различных значений родительного падежа образуются длинные цепочки существительных, несущих этот признак, например, *причины формирования (а) численности (б) организмов (в) того или иного вида (г)*; где (а) – родительный носителя признака, (б) – агентивный родительный, (в) – родительный носителя признака, (г) – посессив. Соответствующие им грамматические значения в английском языке широко варьируют, что можно проследить на коротком отрывке из текста по экологии (размером в страницу), где на 100 % русских номинативных словосочетаний приходится 69 % генитивных конструкций. Поскольку предложные и количественные словосочетания имеют более или менее прямые соответствия в английском и русском языках (для данного вида = *for a given species*), они учитываться не будут.

Причины географического

распространения (признак)

the distribution of a species

численность организмов (признак) того или иного вида	<i>abundance of a species</i>
история вида (посессив)	<i>the history of that species</i>
допускающие выживание особей (агентивный)	<i>that permit them to grow and reproduce</i>
форма кривой (признак) реагирования (посессив)	<i>the shape of the curve of response</i>
реакции организма (посессив)	<i>organism's response</i>
влияние внешних условий (агентивный)	<i>the effect of range of conditions</i>
уровень условия (признак)	<i>level of a condition</i>
в присутствии некоторых организмов (агентивный)	<i>the presence of other organisms</i>
pH почвы (посессив)	<i>soil pH</i>
фактор среды обитания (посессив)	<i>environmental factor</i>
скорость течения загрязнения (признак)	<i>velocity of pollutants</i>
рождаемость особей этого вида(признак)	<i>the individuals' rates of birth</i>
влияние условий среды (агентивный) [1]	<i>effects of environmental conditions [3]</i>

Как видно из вышеприведенных примеров, все английские соответствия различным генитивным словосочетаниям русского научного текста являются прямыми. При этом можно заметить, что родительному – носителю признака и родительному – посессиву в английском языке иногда отвечают также посессивные либо атрибутивные конструкции.

Только в одном случае агентивному родительному не нашлось аналога среди существительных в английском языке, а передан он был с помощью глагольной фразы (*permit them to grow and reproduce*), где однако агент непосредственно выполняет действие.

Несмотря на возражения некоторых ученых против причисления посессивного суффикса *'s* в английском языке к признакам родительного падежа, большинством принято считать, что и конструкции с предлогом *of* и притяжательные конструкции имеют значение родительного падежа, поскольку "в языках с более богатой морфологией, чем английский, эти фразы соответствуют существительным с морфологическими признаками родительного падежа" [4], что и видно из примеров выше.

Таким образом, научный текст даже при переводе на другие языки, кажется, стремится сохранить основные грамматические формы и значения, независимо от того, какими средствами они воплощаются в этих отдельно взятых языках.

Примечания

1. Бигон М., Харпер Дж., Таунсенд К. Экология. Особи, популяції и сообщества. Москва, 1989.
2. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Москва, 1988
3. Begon, M., Harper, J.L., Townsend, C.R. Ecology. Individuals, Populations and Communities. Blackwell Scientific Publications, 1986
4. Radford, A. Syntactic theory and the structure of English. A minimalist approach. Cambridge University Press, 1997.

О. А. Седых

Пространственные концепты времени "горизонт", "пейзаж" и "перспектива" в поэзии И. Бродского

"Если в пространстве заложена идея бесконечности, то - не в его протяженности, а в сжатости. Хотя бы потому, что сжатие пространства, как ни странно, всегда понятнее" (Т. V, с. 319). Именно из такого понимания пространства и следует исходить. Для Бродского пространство вещно, но именно эта вещьность, конкретность организует всю систему образов поэта. Более того, можно предположить, что именно сам концепт "пространство" Бродский рассматривает как "вещь", ибо, если процитировать начатую фразу до конца, то мы обнаружим следующее: "Оно (пространство) лучше организовано, для него больше названий: камера, чулан, могила. Для просторов остается лишь широкий жест" (Т.V, с. 319). То есть получается, что Бродский разводит два достаточно схожих понятия: понятие пространства и понятие простора. Пространство - вещь; простор - что-то иное. Простор для него как раз является широким, про-

тяженным. Отсюда следует, что время, в противоположность пространству, должно обладать признаком протяженности, бесконечности. Но как это передать на бумаге? Поэт использует для этого самые настоящие пространственные концепты и наделяет их функцией "мысли о вещи", т.е. функцией времени.

В связи с этим я хочу предложить вашему вниманию следующие наблюдения. Я выбрала три наиболее часто встречающихся в поэтических текстах И. Бродского концепта: "горизонт", "пейзаж", "перспектива". Именно они являются наиболее яркими носителями временного признака.

Для начала уточним черты пространственности вышеперечисленных концептов. Для этого мною были использованы толковые словари. Коротко значение каждого слова можно охарактеризовать следующим образом:

Горизонт – 1. Линия зрительно кажущегося соприкосновения небесной сферы с земной или водной поверхностью. 2. Обозримое пространство.

Пейзаж – Общий вид какой-либо местности, картина природы; ландшафт.

Перспектива – 1. Вид вдаль, открывающийся с какого-либо места; панорама чего-либо, охватываемого взглядом с определенной точки. 2. Устар. Длинная прямая улица; проспект.

Все эти черты действительно указывают на ощущение протяженности, бесконечности, что так ценил И. Бродский. Он так и говорил: "На самом деле главное - не в цвете заката, а в перспективе, в ощущении бесконечности, да? Бесконечности и, в общем, какой-то неизвестности" (Диалоги, с. 22). Для него очень важна эта неизвестность, эти "потери навсегда" (Т. V, с. 57), потому что "Рай - это тупик; это последнее видение пространства, конец вещей, вершина горы, пик, с которого шагнуть некуда, разве что в чистый Хронос - в связи с чем и вводится понятие вечной жизни" (Т. V, с. 201).

Свои наблюдения за функционированием выбранных концептов в поэтической системе Бродского я построила по принципу выявления оппозиций. Выделяются три оппозиции: свет - тьма, небо - земля, статика - динамика. В этих оппозициях все три концепта работают по-разному:

1. а) горизонт и свет:

Безупречная линия горизонта, без какого-либо изъяна (Т. III, с. 115);

б) горизонт и тьма:

*Но впрямь, не различая впереди
конца и обнаруживши в бокале
лишь зеркальце свое, того гляди*

отыщешь горизонт по вертикали (Т. II, с. 86);

*Входит с криком Заграница, с запрещенным полушарьем
и с торчащим из кармана горизонтом, что опошлен* (Т. III, с. 298);

2. а) пейзаж и свет:

*Мне скучен
вид застывших в моем окне
гор, перелесков, речных излучин* (Т. II, с. 222);

б) пейзаж и тьма:

*Ночь приносит
из теплого темно-синего мрака
желтые квадратики окон
и мерцанье канала* (Т. I, с. 72);

3. а) перспектива и свет:

*Вперед. От фонаря до фонаря.
И оба уменьшались, уменьшались* (Т. I, с. 244);
*Фонари на конце улицы точно пуговицы у
растегнутой на груди рубашки* (Т. III с. 81);

б) перспектива и тьма:

*... в темноте –
там длится то, что сорвалось при свете* (Т. II, с. 417);
*Шоссе ушло в коричневую мглу
обоими концами* (Т. II, с. 322).

Как видно из приведенных выше примеров, совсем не обязательно, чтобы само слово-концепт фигурировало в тексте. Из самого контекста понятно, о чем идет речь.

Вторая оппозиция: небо - земля. Здесь важно отметить то, что на небе нет и не может быть никаких конкретных перспектив. Перспективы могут быть только абсолютными, в никуда, в бесконечность. И все три концепта имеют смысл только в сочетании с землей:

Небу нету конца (Т. II, с. 16);
*То, что кажется точкой во тьме, может быть лишь
одним – звездой* (Т. III, с. 81);

*Звезда, ты прав, напоминает вечность,
не то что крест, к великому стыду;
Не вечность, а дурную бесконечность* (Т. II, с. 282);
*Местность, где я нахожусь, есть рай,
ибо рай - это место бессилья. Ибо
это одна из таких планет,
где перспективы нет* (Т. III, с. 89).

Весьма примечателен тот факт, что в своих поэтических текстах И. Бродский совершенно не использует слово "панорама", настолько удобное, если можно так выразиться, для изображения той или иной пространственной зарисовки. Ведь это слово фигурировало в словарных статьях при толковании слова "перспектива". Панорама - это вид местно-

сти, открывающийся с высоты или с открытого места, простирающийся на далекое пространство. Зато поэт довольно часто использует слово "ландшафт", которое также присутствовало в словарных статьях при толковании слова "пейзаж":

Но с точки зрения ландшафта, движение необходимо (Т. IV, с. 11);

Я овладел искусством

сливаться с ландшафтом... (Т. IV, с. 85).

И последняя оппозиция представляет концепты в статике и в динамике. Пейзаж у И. Бродского, пожалуй, более статичен, нежели перспектива, однако часто бывает наоборот. Но именно концепт "перспектива" более всего примечателен в своем динамическом воплощении. И. Бродский уже через синтаксис может передавать эту динамику перспективы. Предложения, содержащие в себе описания таких перспектив, могут растягиваться на несколько строк. Причем такое описание может начинаться с середины строки и серединой же закончиться, или же может идти в несколько предложений. Ты как бы следишь глазами за движением перспективы. Вот один из ярких примеров такой перспективы:

Рим, человек, бумага;

хвост дописанной буквы - точно мелькнула крыса.

Так уменьшаются вещи в их перспективе, благо

тут она безупречна. Так на льду Танаиса

пропадая из виду, дрожа всем телом,

высохшим лавром прикрывши темя,

бредут в лежащее за пределом

всякой великой державы время (Т. III, с. 231).

Т. Н. Сивкова

Уральский университет

Семантико-синтаксическая характеристика глаголов поля «Покрытие»

Теоретическая лингвистика конца XX века характеризуется сближением изучения глагольной лексики русского языка и семантического синтаксиса. В этом направлении представляют интерес работы Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой, Н. Н. Арват, Л. Г. Бабенко, Г. И. Володиной, М. В. Всеволодовой, В. П. Москвина, Е. В. Падучевой, З. Д. Поповой и др. В своих последних работах известный ученый проф. Э. В. Кузнецова придавала большое значение семантико-синтаксическому аспекту при системном описании русских глаголов и видела системно-структурную и функциональную перспективу в выявлении механизма взаимодействия семантики глагола и семантической структуры предложения.

Соотнесенность класса глаголов определенной семантики с классами предложений с аналогичным типовым значением приобретает особую актуальность в условиях широкой и целенаправленной работы по созданию семантического синтаксиса и дальнейшей разработки проблемы лексико-семантических групп глаголов (далее - ЛСГ). Описание семантических моделей предложений на базе определенных ЛСГ стало возможным при работе над экспериментальным синтаксическим словарем (См.: Семантические модели русских глагольных предложений: Проспект. - Екатеринбург, 1998.). При решении проблемы взаимодействия лексики и синтаксиса на уровне семантических моделей русских глагольных предложений и их лексико-синтаксических репрезентаций авторы-составители словаря поставили следующие задачи: 1) выявить основные семантические модели предложений, различающиеся по семантике предикатов, 2) описать варианты этих моделей, различающиеся по набору глагольных актантных позиций.

ЛСГ глаголов собственно покрытия имеет в своем составе 188 глаголов (асфальтировать, бетонировать, гримировать, заливать, красить, мазать, накрывать, обливать, покрывать, цементировать и др.). Каковы семантические модели предложений, обозначающих ситуацию покрытия объекта и их лексические репрезентации? В качестве инварианта выступает базовая семантическая модель в виде предикатно-актантной структуры: субъект - предикат со значением покрытия - объект - средство покрытия. На основе семантики глаголов покрытия можно определить типовую семантику: «человек, явление природы, растительность или неодушевленный предмет покрывают кого,- что-л., наружную поверхность чего-л. чем-л. или что-л. покрывается чем-л., каким-л. средством покрытия или собой сверху, вдоль, сплошь по всей поверхности». Основными предикатами являются глаголы покрывать, покрываться. Исходная семантическая модель предложений со значением покрытия имеет 14 лексико-семантических вариантов, имеющих свою типовую семантику, представляющих собой одну парадигматическую группировку денотативно тождественных предложений, но различающихся дифференцирующей сферой глаголов-предикатов и их лексическим окружением - именами существительными определенной семантики, заполняющими актантные позиции, в частности, позицию средства покрытия объекта: 1) человек покрывает кого-, что-л. или себя мелкими частицами (каплями, брызгами) какого-л. жидкого вещества, 2) красящим веществом, 3) сыпучим, порошкообразным веществом, 4) жирным, маслянистым веществом или полужидкой массой из жиров, 5) каким-л. материалом (ткань, мех, бумага и т.п.) с помощью какого-л. способа - пришивая, прибивая, приклеивая и т.п., 6) чем-л. мажущим, пачкающим и другие лексические варианты модели.

Для предложений, отображающих ситуацию покрытия, свойственно совмещение предикатов, что обусловлено пересекаемостью ЛСГ глаголов и наличием в их составе глаголов сложного действия. Семантико-синтаксический анализ поля «покрытие» обнаружил 8 совмещенных семантических моделей предложений: со значением покрытия и пропитывания объекта (предикаты красить, натирать, смолить), со значением покрытия и созидания (предикаты крыть, покрывать), со значением покрытия и помещения объекта куда-л. в определенном положении (предикат настилавать), со значением покрытия и обработки (предикат заращивать), со значением покрытия и субъектного помещения (предикаты облеплять и облепливать), со значением покрытия и становления физического качества (предикаты зарастать, плесневеть, потеть), со значением покрытия и графической передачи информации (предикаты затушевывать, штриховать, татуировать), со значением покрытия и создания объекта в результате определенного вида трудовой деятельности (предикат заткать).

В парадигме предложений, отображающих ситуацию собственно покрытия объекта, представлены четыре образные семантические модели (предикаты: 1) одеть, одеться, окутать, окутаться, задерживаться, затягивать, 2) оковывать, сковывать, 3) наплывать, спускаться, сходить, 4) плакать, слезиться). Репрезентация ситуации покрытия объекта нестандартным образом (по терминологии Т. В. Шмелевой), на ассоциативно-образном основании имеет место. Так, В. П. Москвин выделяет 7 метафорических и 5 метонимических мотивационных рядов в смысловом пространстве «покрытие» и рассматривает покрытие в образе погребения, покрытие в образе передачи, покрытие как одевание, когда метафора может быть развернута путем сравнения естественного покрытия (снега, инея, тумана) с предметами одежды и т.п. (Москвин В. П. Семантика и синтаксис русского глагола. Киев, 1993. С.121-130). Требуется более тщательный анализ особенностей метафорических переносов значений глаголов ЛСГ покрытия и глубокое исследование их образного потенциала.

А. В. Снигирев
Уральский университет

Некоторые особенности предложений с включенными цитатами в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина "История одного города"

Цитата - самый очевидный и наиболее легко выделяемый вариант интертекста. Ее можно определить как фрагмент (от словосочетания и

более) уже существовавшего текста, точно или почти точно воспроизведенный автором в своем оригинальном тексте. То, что автор заимствует уже оформленные синтаксические единицы (предложение, словосочетание, ССЦ), используя их при создании своего текста, приводит к определенным особенностям построения последнего. Остановимся на некоторых из них.

Цитаты в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина "История одного города" оформлены в виде различных синтаксических единиц. Это могут быть словосочетания: "жизнеописание замечательнейших обезьян", "temento mori", "нем как рыба". В этом случае цитата выполняет номинативную функцию или используется в качестве сравнительного оборота: "Байбаков оставался нем *как рыба*". Цитата может представлять собой законченное предложение: "Иду на вы!", "Был, после начала возмущения, день седьмой", "Такали мы, такали, да и протакали". При этом цитата реализуется как высказывание героя или как характеристика пространственно-временной организации текста: "Натиск, – сказал он, – и притом быстрота, снисходительность, и притом строгость"; "Комара за восемь верст ловить ходили, а комар у пошехонца на носу сидел". Автор включает тексты целиком или в виде фрагмента: "Не шуми, мати, зелена дубравушка...", "Ухнем! // Дубинушка, ухнем!". Последний тип заимствованного фрагмента имеет источником интертекста стихотворение или песню.

То, что цитата представляет собой фрагмент чужого текста, обусловило наличие в предложениях с включенными цитатами ксенопоказателей. Н. А. Кузьмина, на основании существующих концепций "маркировки чужого" и анализа поэтических текстов выделяет следующие языковые способы оформления цитаты: кавычки, курсив, синтаксические конструкции прямой и косвенной речи: "Не Я, другой", "Не сейчас" и "Не здесь". Данная классификация по отношению к поэтическому тексту не вызывает сомнений, но в романе подавляющее большинство маркировок цитаты осуществляется путем указания ее источника или автора. Так, наиболее частотны конструкции типа: "Идет некто за мной, – говорил он (Угрюм-Бурчеев – А. С.), – который будет еще ужаснее меня" (ср. "Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня" (Матф. 3, 11)); "великий князь *Святослав Игоревич*, прежде нежели побеждать врагов, всегда посылал сказать: "Иду на вы!"; "Баба-Яга... восклицала: "Покатаюся, поваляюся, Иванушкина мясца поевши" и т.д.

В предложениях с включенными цитатами реализуется указание не только на то, что данный фрагмент текста принадлежит *другому*, но и на то, что время процитированного текста значительно удалено на временной оси от времени авторского основного текста. Это проявляется в том, что все глаголы речевой деятельности, присутствующие в предложениях с включенными цитатами, имеют форму прошедшего времени:

говорил, сказал, молвил, пел и т.д. Кроме того, автор нередко меняет уже существующую временную характеристику цитат, особенно при включении пословиц и поговорок. Так, вместо "Волгу толоком месить", "теленка на баню тащить", в кошеле кашу варить" в тексте встречаем: "Начали с того, что Волгу толоком замесили, потом теленка на баню тащили, потом в кошеле кашу варили, потом козла в соложенном тесте утопили, потом свинью за бобра купили да собаку за волка убили..."

В заключение хотелось бы отметить, что, включая в свое произведение даже такой очевидный и, казалось бы, простой вариант заимствования, каковым является цитата, автор идет на значительную творческую работу с текстом.

В. И. Томашпольский
Уральский педагогический университет

«Новый русский» глагол

В последние годы язык российских СМИ заметно изменился. Причем наибольшие изменения произошли в русскоязычной периодике специального характера. В ней особенно ощутимо влияние так называемых «языковых контактов».

Изучение компьютерных изданий показывает, что в них сформировался некий «контактный язык», представленный в виде «контактных текстов». Эти тексты обладают своеобразной структурой, синтаксисом, лексикой и фразеологией. В них можно найти специфические словообразовательные и морфологические варианты, необычную графику и нетрадиционную орфографию.

Глагольная лексика среди контактных элементов занимает, может быть, не главное, но важное место. Появление специальной глагольной лексики свидетельствует о глубине контактов. Выделяются 3 группы глаголов:

- Русские по происхождению глаголы в несколько измененном виде, со специальными значениями или своеобразной стилистической окраской:

Виснуть / повиснуть / зависнуть/ зависать (Компьютер зависает / повис / завис). *Гнать / гнаться* (Гнать камень, камень гонится). *Прописать / прописывать* (Вирус прописывает на машине свой драйвер). *Подкачать / скачать* (Нужно скачать с сайта свежие антивирусные базы).

- Глаголы греко-латинского или европейского происхождения, переделанные на американский лад:

Транслировать (Прокси-сервер транслирует все HTTP-соединения через нестандартный порт). *Интегрировать* (Office 10 будет еще плотнее интегрирован с сетью). *Конвертировать* (Можно конвертировать музыку из всех фор-

матов в МРЗ). Фрагментировать / дефрагментировать (файлы на винчестере). Локализовать (операционную систему).

- Англо-американские слова, переделанные в русские глаголы:

Апгрейдить(ся) (Приходится апгрейдить машину чуть ли не ежегодно). Генерить (Шлем заставляет игру генерить сразу два изображения). Глючить (Система глючила и тормозила из-за всех сил). Инсталлировать / проинсталлировать / деинсталлировать (операционную систему, новую игрушку). Коннектиться (по мылу, по аське). Крекнуть (программу). Кешировать. Патчить / пропатчить. Свопить. Фикснуть(ся) (Фиксаться баги). Хакать / хакнуть.

А. В. Усолкина
Уральский университет

Событие и глагол как репрезентанты объективной реальности (на примере произведений Л. Кэрролла)

В лингвистических исследованиях последних лет в качестве объекта изучения все чаще становятся не только предметно-пространственные характеристики, но и событийно-временные аспекты. Понятийное сознание преобразует объективный мир в мир идеальных сущностей с помощью языка; именно единицы языка, являясь объективными, «идеализируют» действительность за счет сигнификативной части своей семантики. Однако основным «идеализатором» объективного мира, является, на наш взгляд, событие как таковое.

Именно благодаря событиям язык становится возможен. Событие не является ни сигнификатом, ни денотатом: оно выражает не более, чем о нем сообщается или говорится. Тем не менее, событие является неотделимой частью языка, так как не существует вне выражающих его предложений. Однако, оно отнюдь не совпадает с предложением, как выражаемое не совпадает с выражением. «Событие не предшествует выражению, а предсодержится в нем, задавая, таким образом, основание и условие последнему», - пишет Ж. Делез. И далее: «Что делает язык возможным – так это событие, если только событие не путать ни с выражающим его предложением, ни с состоянием произносящего предложение, ни с положением вещей, которое обозначается этим предложением». [Делез 1998, с. 240-241]. Событие является своего рода границей, на которой встречаются денотат и сигнификат; денотация всегда отсылает нас к предметам, выражение отсылает к смыслу этого предмета.

События по природе своей идеальны; они есть идеальные концепты, которые не могут существовать в настоящий момент времени. Ж. Делез проводит различие между идеальным событием и его пространственно-временным осуществлением в положении вещей. Таким образом, он различает «события» и «происшествия» [Делез 1998, с. 81]. Он рассматривает событие как атрибут тел и положения вещей и подчеркивает специфику природы данного атрибута. «Он существует в предложении, но вовсе не как имя тел или качеств и не как субъект или предикат. Скорее он существует как то, что может быть выражено, или как выражаемое предложением, свернутое в *глаголе*, а скорее даже в *инфинитиве*... Глагол – не образ внешнего действия, а процесс противодействия, внутреннего для языка... У него два полюса – настоящее, указывающее на его связь с денотируемым положением вещей в последовательности физического времени, и инфинитив, указывающий на связь глагола со смыслом, или событием, согласно содержащемуся в нем внутреннему времени» [Делез 1998, с. 241–244].

Характерной особенностью литературных работ Кэрролла, равно как и его математических трактатов является то, что событие в этих произведениях играет одну из основных ролей. Еще Платон предлагал различать два измерения: 1) измерение ограниченных и обладающих мерой вещей; измерение фиксированных качеств, предполагающих фиксацию настоящего и указывание на предмет, и 2) чистое становление, всегда избегающее настоящего. Измерение первого типа отображается в языковой картине предметного мира (ЯКПМ), измерение второго типа – языковой картиной процессуально-событийного мира (ЯКПСМ). Страна Чудес – это пространство чистого становления, физическое пространство постоянно развертываемого события, закрепленного за глаголом, который, в свою очередь, имеет, по меньшей мере, два смысла. Трудно судить о том, насколько Набокову удалось передать динамический аспект ЯКПСМ прозы Кэрролла. Тем не менее, нам представляется возможным говорить о близости концептуальных пространств глагольной лексики в прозе Л. Кэрролла и в переводе В. Набокова, так как и в том, и в другом случае данные пространства представляют собой «набор ключевых концептов процессуально-событийного мира и соотносимых с ними концептуализированных областей». [Бабенко 1998, с. 9]. Однако денотативные пространства глагольной лексики сказки Л. Кэрролла и перевода В. Набокова не могут быть признаны идентичными. Как указывает Л. Г. Бабенко, «денотативное пространство русского глагола представляет собой процессуально-событийный мир, имеющий яркую национально-специфическую окраску», что связано, например, с «глубокой семантической разработанностью и, соответственно, с богатым лексическим воплощением в русском языке представлений и знаний о ситуациях движения, речевой деятельности, эмоционального состоя-

ния». [Бабенко 1998; Казарин, Латкина 1998]. ЯКПСМ Набокова представлена, в первую очередь, глагольной лексикой с яркой эмоциональной окрашенностью, в то время как в оригинале используются вполне нейтральные по значению глаголы. Так, например, Кролик у Набокова «семенит», Алиса, «вихрем сорвавшись», кидается за ним, он «улепетыжает» от нее в темноту; невозмутимая Гусеница «взвизывает на дыбы» и т. д., в то время как в оригинале представлены нейтрально-окрашенные глаголы. И дело здесь, видимо, не в неопытности переводчика, а в самом языке. Л.Г. Бабенко в своих исследованиях не раз затрагивала проблему эмоциональности глагольной лексики русского языка. [Бабенко 1989]. Отдельные ее работы посвящены функционированию глагольной лексики в художественном тексте. [Бабенко 1986]. А. Вежицкая в своих исследованиях также отмечает эмоциональность как один из признаков уникальных понятий русской культуры и не раз писала о «высоком эмоциональном накале русской речи, богатстве языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков ... в то время как носители английского языка не говорят о своей «охваченности» тем или иным чувством» [Вежицкая 1992].

Сам Набоков в своем знаменитом «Постскриптуме к русскому изданию» романа «Лолита», уже будучи опытным писателем, признавал: «Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, все нежно человеческое (как ни странно!), а также все мужицкое, грубое, сочно-похабное выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями ... - все это становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле языка и речи». [Набоков 1992, с. 25]. Таким образом, мы видим, что Набоков создает свою собственную, уникальную ЯКПСМ, характерную, в первую очередь, для самого автора, а также для того языка, на котором он пишет.

Д.Р. Шарафутдинов
Уральский университет

Минимальные структурные схемы простых предложений в Словаре семантических моделей русских глагольных предложений

Экспериментальный синтаксический словарь семантических моделей русских глагольных предложений — многопараметровый, многомерный комплексный словарь-справочник активного типа, предна-

значенный для выполнения нескольких функций — классифицирующей (содержательно-упорядочивающей), объяснительной, учебной и др. Словарь представляет собой результат многолетней научно-исследовательской деятельности коллектива межузовской проблемной группы “Русский глагол” под руководством д.ф.н. проф. Л. Г. Бабенко. Это словарь принципиально новый во многих отношениях. Научная новизна Словаря семантических моделей заключается, в частности, в том, что он снабжен списками минимальных структурных схем простых глагольных предложений (далее — МСС).

Структурная схема синтаксической единицы — одно из ключевых понятий современного формального синтаксиса. Все синтаксические конструкции с их индивидуальными лексическими наполнениями, любые соединения различных компонентов при помощи синтаксических связей строятся на основе определенных грамматических образцов, абстрактных моделей, отвлеченных схем. Свои специфические наборы структурных схем имеют и словосочетания, и простые и сложные предложения. Именно структурные схемы представляют эти так называемые собственно синтаксические единицы — реальные словосочетания и предложения речи — в системе языка. Таким образом, структурная схема является эмической абстрактно-языковой единицей, выводимой при помощи определенных логических операций, на основе анализа конкретного речевого синтаксического материала в парадигматическом аспекте, подобно тому как фонема, морфема или лексема представляют собой абстрактные функциональные категории (инварианты) — результаты обобщения рядов позиционно чередующихся материальных речевых единиц (вариантов: звуков, морфов и словоформ соответственно). Некоторые исследователи (А. И. Смирницкий, В. М. Солнцев и др.) выделяют структурные схемы в особый класс лингвистических объектов — “относительно-материальные” единицы.

Описание синтаксических единиц с опорой на понятие структурной схемы является одним из важных направлений лингвистического моделирования, имеющим общеграмматическое значение. В рамках этого направления в формализованном и обобщенном виде условно воспроизводятся все реальные синтаксические единицы, отражаются основные принципы внутреннего устройства и функционирования синтаксической системы языка и многие специфические черты его грамматического строя в целом.

Под МСС понимается отвлеченный, абстрактный, максимально обобщенный грамматический образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для построения предложения как предикативной синтаксической конструкции. Такое понимание структурной схемы соответствует тому представлению о структурном минимуме предложе-

ния, которое выдвигает в своих работах акад. Н. Ю. Шведова. МСС принципиально ориентирована на формальную организацию монопредикативной единицы и моделирует ее предикативный минимум (в противоположность расширенной структурной схеме, ориентированной на семантическую организацию предложения и отражающей его номинативный минимум). В соответствии с этим МСС включает лишь те компоненты, которые совершенно необходимы и вполне достаточны для выражения и оформления категории предикативности — синтаксического времени и синтаксического наклонения. В рассматриваемом случае это компоненты предикативной основы глагольного предложения (главные члены предложения): вариативный по согласовательным грамматическим категориям числа и лица или рода — в зависимости от формы времени — предикативный центр (простое или составное глагольное сказуемое) и компонент, определяющий его морфологическую форму по этим категориям (подлежащее), вместе взятые; либо невариативный по согласовательным категориям предикативный центр (главный член односоставного предложения) (см. ниже). Все остальные компоненты предложения, включая обязательные присловные распространители предикативного центра, входящие в номинативный минимум, МСС принципиально не учитывает.

Поскольку основной, “атомарной” единицей описания в обсуждаемом Словаре является определенный вариант базовой семантической модели, списки МСС даются отдельно для каждого варианта — лексического, совмещенного или образного. У каждого варианта модели — свой набор схем. Всего в Словаре таких вариантов моделей около 1600, следовательно, столько же и наборов схем. В частном случае список может быть представлен одной схемой (почти всегда это N_1V_j).

При каждом варианте семантической модели приведен перечень глагольных предикатов соответствующей лексико-семантической группы в форме инфинитива. Для определения МСС потенциальных простых предложений необходимо представить каждый предикат (если это возможно) в грамматических формах глагольного предикативного центра. В соответствии со структурными разновидностями глагольных носителей предикативности это могут быть следующие грамматические формы:

1. Форма показателя предикативности, вариативного по согласовательным категориям (числа, лица / рода): спрягаемая форма глагола (*читаю*).

2. Формы показателей предикативности, невариативных по согласовательным категориям:

- 2.1. Спрягаемые формы глагола:

- 2.1.1. Форма единственного числа и 3 лица либо среднего рода (в зависимости от формы времени) (*холодает / холодало*).

2.1.2. Форма множественного числа 3 лица (в прошедшем времени — только множественного числа) (*строят / строили*).

2.2. Форма инфинитива глагола (*читать*).

Словарь принципиально описывает предикаты только в синтаксической позиции показателя предикативности, т.е. те предикаты, которые участвуют в выражении основной пропозиции (первичный способ) и, с точки зрения традиционного учения о членах предложения, представляют собой либо простое глагольное сказуемое (1), либо спрягаемый (фазовый или модальный) компонент составного глагольного сказуемого (1), либо главный член односоставного предложения (2).

Атрибутивные формы глагола — причастные и деепричастные — Словарь не учитывает. Они не способны выступать в роли носителей предикативности, в предложении выражают свернутую пропозицию (вторичные способы) и являются второстепенными членами, в том числе обособленными. Краткая форма страдательного причастия в принципе может входить в предикативный центр предложения в качестве именной части составного именного сказуемого (*Книга была прочитана*), но в этом случае показателем предикативности является не собственно глагол, а связка (предикативный центр комплексный) и, соответственно, предложение относится к связочным — не являющимся объектом лексикографирования в обсуждаемом случае.

Основных МСС простых глагольных предложений всего четыре. Это схемы: N_1V_f ; V_{pl3} ; $V_{s3/n}$; Inf . Символическая запись схем в Словаре дается по системе проф. В. А. Белошапковой.

N_1V_f :

двусоставное предложение с номинативным подлежащим и глагольным сказуемым (в случае составного сказуемого — фазовая или модальная регулярная реализация МСС) (*Лес шумит; Я читаю книгу; Я начал читать книгу; Я хочу читать книгу*);

односоставное определенно-личное (определенно-личная бесподлежащая формальная модификация МСС) (*Люблю грозу в начале мая; Задумчиво брожу в печальной полутьме*);

односоставное обобщенно-личное (обобщенно-личная регулярная реализация МСС) (*Без труда не выловишь рыбку из пруда; Его не переубедишь; Ее не переспоришь; Всем не угодишь*).

V_{pl3} :

односоставное неопределенно-личное (*В нашем городе строят метро; В Госдуме обсуждают законопроект; Ему мешают; Митинг запретили*).

$V_{s3/n}$:

односоставное безличное спрягаемо-глагольного типа (*На улице холодает; Ему нездоровится; В боку колет*).

Inf :

односоставное инфинитивное — может быть различных формальных и семантических типов, например: с частицей *не* (*Его не переубедить; Ее не переспорить; Всем не угодить*); с частицей *бы* (*Увидеть бы его!; Тебе бы отдохнуть немного!; Им лишь бы посплетничать; (Не) проспать бы!*); со значением долженствования, предопределенности ситуации (*Завтра мне ехать в Москву*), в том числе с частицей *еще* (*Ему вечером еще выступить; Мне еще убирать со стола; Им еще учиться и учиться*); со значением повеления, приказа (*Молчать!; Всем встать!*); в форме вопроса (*Как вас представить?; Когда ему позвонить?; Где их разместить?; Кому читать дальше?; Зачем об этом вспоминать?*).

Схема N_1V_f — двухкомпонентная номинативная, остальные схемы — однокомпонентные. Схема $InfV_f$ (двухкомпонентная инфинитивная), по которой строятся двусоставные предложения с инфинитивным подлежащим, отдельно не рассматривается ввиду ее вторичности по отношению к схеме N_1V_f . Инфинитив здесь является синтаксическим субститутом формы именительного падежа. Ср.: *Разговор надоел; Курение запрещается* (N_1V_f); *Разговаривать надоело; Курить запрещается* ($InfV_f$). Остальные структурные схемы русских простых предложений связочные.

МСС включается в набор схем при конкретном варианте семантической модели даже в том случае, если позицию показателя предикативности в ней способен реализовать лишь один из глаголов данной группы. Кроме самих МСС, при вариантах семантических моделей даются основные распространители предикатов (типа $N_{\text{доб}}$, т.е. “беспредложная форма винительного падежа существительного с объектным значением”, при глаголе *изучать*).

Основу, ядро, своего рода “сюжетный стержень” всей семантической структуры предложения составляет так наз. **схемная семантика** — значение высокой ступени абстракции, формируемое компонентами самой структурной схемы. Исследования объективного содержания предложения (диктума) с опорой на понятия схемной семантики и семантической структуры предложения получили развитие в рамках структурно-семантического направления в современной синтаксической науке (работы Н. Ю. Шведовой, В. А. Белошапковой, Т. В. Шмелевой и др.). Принято разграничивать две стороны схемной семантики — интерпретационную и ограничительную. Очевидно, что разные структурные схемы предложений несколько по-разному интерпретируют внеязыковую действительность. Предложения, отражающие одну и ту же ситуацию внешнего мира, но построенные по различным структурным схемам, по-разному представляют эту ситуацию в языке. Ср.:

- (1) *Завтра я еду в Москву* (N_1V_f), (2) *Завтра мне ехать в Москву* (Inf_f);
 (1) *Лодку унесло течение* (N_1V_f), (2) *Лодку унесло течением* ($V_{s3/n}$);

(1) В комнате пахнут цветы (N_1V_f), (2) В комнате пахнет цветами ($V_{s3/n}$).

В каждой паре примеров второе предложение в сравнении с первым характеризуется наличием определенной семантической модификации, семантического "приращения".

Ограничительная сторона схемной семантики проявляется в том, что структурная схема накладывает определенные семантические ограничения на набор самих ситуаций, "положений дел" (Н. Д. Арутюнова) объективной действительности, моделируемых соответствующим предложением. Так, спектр ситуаций, отражаемых схемой N_1V_f , чрезвычайно широк. Это могут быть предмет и его активное действие (*Человек идет*), деятельность (*Отец преподает*), состояние (*Брат болеет*), положение (*Столб лежит у дороги*), отношение (*Руководство его ценит*), бытие (*В лесу водятся медведи*) и др. Совсем иными номинативными возможностями обладает схема $V_{s3/n}$. Восходящие к ней безличные спрягаемого глагольные предложения отражают в основном ситуации бессубъектного состояния лица или окружающей среды. В соответствии с этим данные схемы различаются составами предикатов, заполняющих в них глагольные позиции. Опыт рассмотрения лексико-семантических групп глаголов в рамках работы над Словарем подтверждает, что наборы групп предикатов в этих случаях в принципе различны как в количественном, так и в качественном отношениях. Вторая схема допускает использование несоизмеримо меньшего числа групп предикатов, что прямо связано с жесткими семантическими ограничениями, накладываемыми ею на выбор глагольной лексики: в подавляющем большинстве случаев эта схема предполагает замещение глаголами, способными обозначать дезагенсивные процессы. "Определяя то, какие ситуации могут, а какие не могут быть отражены предложениями, построенными по той или иной структурной схеме, схемная семантика тем самым определяет отбор лексики, способной заполнять ее позиции, прежде всего позицию предикативного центра" (В. А. Белошапкова. Синтаксис // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1997. С. 783).

В Словаре предпринимается попытка сформулировать эту зависимость в направлении не от схемы к предикату, а, наоборот, от предиката к схеме. Принципиально различные лексико-семантические группы глаголов нередко существенно различаются и списками структурных схем, в которых эти глаголы способны выступать в позиции предикативного центра. Одни наборы схем у глаголов движения, совсем другие — у глаголов со значением проявления качества и т.д. Все семантические модели, за редчайшим исключением (в случае наличия в списке предикатов только безличных глаголов), имеют схему N_1V_f . Другие схемы (особенно $V_{s3/n}$) часто отсутствуют. Наиболее частотный набор схем — N_1V_f , Inf , V_{pl3} . Семантических моделей, имеющих полный набор схем, немного.

Наличие или отсутствие той или иной схемы может быть прямо связано с различными свойствами глаголов данной лексико-семантической группы. Так, в реализации схемы V_{pl3} способны участвовать лишь те глаголы, которые обозначают процессы, исходящие от людей. Многочисленные случаи отсутствия схемы $V_{s3/n}$ обусловлены прежде всего тем, что для замещения задаваемой ею позиции показателя предикативности глагол должен быть безличным (*На улице холодает*) или способным выступать в безличном употреблении (*На улице темнеет*). Этому жесткому требованию естественным образом удовлетворяют далеко не все глаголы и, более того, далеко не все лексико-семантические группы глаголов, что связано с их содержательными характеристиками. Очевидно, что, например, глаголы лексико-семантических групп поля состояния в силу их содержательных (денотативных) особенностей гораздо активнее участвуют в реализации этой схемы, чем глаголы других семантических классов.

Можно утверждать, таким образом, что актуальность / неактуальность какой-либо МСС для конкретного глагола (точнее — его ЛСВ, входящего в определенное семантическое объединение) обусловлена характером соотношения между схемной семантикой и семантическими приметам глагола: для наличия данной схемы при данном глаголе необходимо принципиальное соответствие (своего рода “семантическое согласование”) между схемной семантикой (прежде всего в ее ограничительном аспекте) и семантическим устройством глагола, а значит, и между семантической структурой предложения данного формального типа и семантикой потенциального предиката данной группы в целом. В основе этого соответствия — общность или близость денотативных сфер рассматриваемых языковых единиц: глагольного предложения и его предикативного центра, предикативной конструкции и слова, т.е. синтаксической и лексической единиц.

Словарь семантических моделей русских глагольных предложений содержит большое количество авторских примеров (предикативных единиц), извлеченных из произведений русской классической литературы. Предложения-примеры, как и списки глагольных предикатов, даются при каждой семантической модели (в том числе при совмещенных и образных моделях) и включают предикаты из соответствующего списка. При анализе предикативных единиц в художественных текстах использовался следующий алгоритм определения МСС простых предложений:

1. Найти в предложении словоформу — показатель предикативности.
2. Определить морфологический тип показателя предикативности:
  - 2.1. Инфинитивный или спрягаемый.
    - 2.1.1. Инфинитивный. → Обозначить (*Inf*). → Схема определена.
    - 2.1.2. Спрягаемый. → Переход к п.2.2.
  - 2.2. Глагольный или связочный.

2.2.1. Глагольный. → Обозначить (*V*). → Переход к п.3.

2.2.2. Связочный. → Обозначить (*Cor*). → Найти и обозначить присвязочную часть. → Переход к п.3.

3. Определить синтаксический тип показателя предикативности: вариативный или невариативный по согласовательным категориям (числа и лица/рода).

3.1. Невариативный. → Обозначить грамматическую форму показателя предикативности ($V_{pl3}, Cor_{pl3}; V_{s3/n}, Cor_{s3/n}$). → Схема определена.

3.2. Вариативный. → Обозначить (V_f, Cor_f). → Найти и обозначить компонент, определяющий грамматическую форму показателя предикативности (N_1, Inf). → Схема определена.

Н. А. Юшкова
Уральский университет

Роль глагола в репрезентации ситуации ревности (на материале произведений Ф. М. Достоевского)

В "Логико-философском трактате" Л. Витгенштейн указывает на то, что чувствование мира (этическая позиция) не может быть сформулировано словесно: "оно показывает себя". В произведениях Ф. М. Достоевского чувствование мира проявляется через язык, язык "необычайно выразительный и адекватный предмету" (Иванов 1990: 175).

Ревность относится к миру душевных переживаний человека, стоит в ряду ускользающих от наблюдения и анализа проявлений психической жизни. Эмоциональное взаимодействие людей отражает, в частности, художественная литература. Для того, чтобы "увидеть" ревность как эмоционально-психологический процесс, следует обратиться к произведениям Ф. М. Достоевского "Идиот", "Подросток", "Бесы", "Вечный муж", "Братья Карамазовы". В данных текстах часто воспроизводится ситуация ревности.

Многоаспектный анализ рассказа "Вечный муж" - своеобразного художественного исследования ревности - позволяет сконструировать универсальную модель ситуации, которая отражает взгляд национального гения на концепт *ревность*. Данная модель по-разному трансформируется в других текстах писателя. Модель ситуации ревности находит свое отражение на всех уровнях иерархически организованной структуры текста.

Принимая во внимание тот факт, что "реальные особенности ситуации определяют как семантическую структуру предложения, так и актуальный смысл глаголов-предикатов" (Бабенко 1986: 16), интересно

определить роль глаголов в репрезентации ситуации ревности в текстах Ф. М. Достоевского.

Проведенный анализ выявил низкую частотность употребления глагола *ревновать* и его производных (*взревновать*, *возревновать*, *по-ревновать*, *приревновать*). Писатель избегает прямых номинаций, что передает реальную природу такого сложного переживания, как ревность: ревнивец часто пытается скрыть ревность даже от самого себя.

Ревность героев Ф. М. Достоевского – это мучительные, приносящие им страдания чувства, которые описываются прежде всего через внутреннее и внешнее состояние ревнивцев.

Методом сплошной выборки были выделены несколько групп глаголов с функциональной семантикой эмоционального переживания.

ФСГ глаголов – первичных предикатов чувств:

Взволноваться – мучиться – *раздразниться* – *сердиться* (*рассердиться*) – *озлиться* – *рассвирепеть* – *беситься* (*взбеситься*) – *бесноваться* – *возненавидеть*

ФСГ глаголов – вторичных предикатов чувств:

Засуетиться – *заметаться* – *покачнуться* – *вздрызнуть* – *покоробиться* – *передернуть* (*всего*)

Вторичные глаголы – предикаты чувства тяготеют по основному значению к различным ЛСГ слов. Они “участвуют в передаче эмоций при поддержке и под воздействием контекста” (Бабенко 1986: 32).

Анализ показывает, что использование вторичных глаголов – предикатов чувств при художественном описании ситуации ревности в текстах Ф. М. Достоевского является наиболее частотным. Использование данных глаголов выполняет следующие функции:

- функция обозначения тайных, не определяемых одним словом, может быть, даже не вполне осознанных эмоциональных состояний;
- функция актуализации (в зависимости от семантики) какого-либо динамического признака эмоции.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что важная роль в “опознании” ревнивца, скрывающего свои истинные намерения и чувства, принадлежит глаголам внешнего проявления эмоций. Наблюдается несоответствие внешнего и внутреннего состояния (чаще всего герои Ф. М. Достоевского ревность скрывают, но не могут скрыть), что можно рассматривать как культурно-обусловленное, закономерное явление.

Примечания

1. Бабенко Л. Г. Обозначение эмоций в языке и речи: Учебное пособие. – Свердловск, 1986.
2. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия. // О Достоевском: Творчество Ф. М. Достоевского в русской мысли 1881-1931 гг. – М., 1991.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л. Г. Бабенко

Семантическая модель предложения как репрезентанта структуры знаний о мире 3

А. В. Волегов, Ма Яньцзинь, Цзин Го

Традиционный временной план русских поэтических текстов и переводы китайских ши 5

Т. М. Воронина

Семантические особенности глагольных предложений с метафорическими предикатами 6

Н. А. Груздева

Музыкальные глагольные неологизмы русского языка конца XX века 8

В. В. Гузикова, Ю. В. Казарин

Фразеологизм как средство формирования национально-художественной картины мира 10

Н. А. Дьячкова

Об одном способе выражения отношений потенциальной обусловленности в простом предложении 16

О.П. Исаева

Эволюция интегральных дифференциальных значений у слов, образующих одну лексико-семантическую группу в русском языке с древнейших времен и до наших дней 22

Ю. В. Казарин

Языковая поэтическая способность: постановка проблемы 24

И. В. Капшникова

Глагольная лексика в учебниках начального периода обучения родному языку (русскому): опыт идеографического описания 26

Ю. И. Костромина	
Семантико-синтаксические особенности глагольной рифмы И. Бродского	29
М. Л. Кусова	
Человек и его бытие: семантический анализ глагольных фразеологизмов	31
И. К. Миронова	
Отображение ситуации рыбной ловли на когнитивно-пропозициональном уровне	36
А. М. Плотникова	
Внутренняя форма и синтагматические свойства глаголов	40
Ю. И. Плотникова	
Словообразовательная синонимия глагольных дериватов	43
Т. В. Попова	
Тип словообразовательного значения производного глагола и его семантико-синтаксические связи	46
И. С. Просвирнина	
Глагольные конструкции в топонимии	48
Е.Е. Романова	
Русский родительный падеж и соответствующие ему английские словосочетания (на материале естественнонаучного текста)	49
О. А. Седых	
Пространственные концепты времени "горизонт", "пейзаж" и "перспектива" в поэзии И. Бродского	51
Т. Н. Сивкова	
Семантико-синтаксическая характеристика глаголов поля «Покрытие»	54
А. В. Снигирев	
Некоторые особенности предложений с включенными цитатами в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина "История одного города"	56

В. И. Томашпольский	
«Новый русский» глагол	58
А. В. Усолкина	
Событие и глагол как репрезентанты объективной реальности (на примере произведений Л. Кэрrolла)	59
Д.Р. Шарафутдинов	
Минимальные структурные схемы простых предложений в Словаре семантических моделей русских глагольных предложений	61
Н. А. Юшкова	
Роль глагола в репрезентации ситуации ревности (на материале произведений Ф. М. Достоевского)	68

Подписано в печать 21.12.2001. Формат 60×84/16.
 Бумага офсетная. Печать офсетная.
 Заказ № 2315. Тираж 50.

ИД 05974 от 03.10.2001.
 Отпечатано в ИПЦ "Издательство УрГУ".
 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.